

А. ДНЕПРОВСКИЙ

ЭШЕЛОНЫ ЖИЗНИ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

15 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1981

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

А. ДНЕПРОВСКИЙ

ЭШЕЛОНЫ ЖИЗНИ

Повесть об А. Д. Цюрупе

Москва • Издательство политической литературы • 1981

Днепровский А. А.

Д54 Эшелоны жизни: Повесть об А. Д. Цюрупе.— М.: Политиздат, 1981.— 112 с., ил.— (Герои Советской Родины).

Шестнадцатилетним юношей начал революционную деятельность А. Д. Цюрупа. В феврале 1900 года он впервые встретился с В. И. Лениным и стал активным агентом «Искры». После победы Великого Октября возглавлял Наркомат продовольствия. В невероятно трудных условиях А. Д. Цюрупа организовывал продовольственные железнодорожные составы, которые шли в голодающие районы страны. Впоследствии был заместителем Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны.

Замечательному революционеру, видному государственно-му деятелю посвящена книга литератора А. А. Днепровского. Рассчитана на массового читателя.

$\frac{10202-208}{Д\ 079(02)-81}$ 80—81 0902030000

66.61(2)8
ЗКП1(092)

Именно по воле Ленина брошен был этот человек в первые ряды борцов труднейшего советского строительства в самую критическую полосу его существования, в полосу борьбы за самое право бытия.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

В самом центре Москвы, рядом с Красной площадью, на стене одного из старинных зданий установлен горельеф — изображение волевого профиля Александра Дмитриевича Цюрупы, народного комиссара первых лет Советской власти. Именно в этом здании — теперь здесь разместился ГУМ — в 1918 году работал Народный комиссариат продовольствия молодой Республики Советов, возглавлявшийся Цюрупой.

Проходит быстротечное время, сменилось не одно поколение, но вечными и немеркнущими остаются в нашей памяти тревожные, боевые, геройские послеоктябрьские годы, когда партия большевиков, весь трудовой народ России отстаивали завоевания революции.

В жестоких битвах с внутренними и внешними врагами, с тяжкой разрухой первостепенное место отводилось снабжению армии и рабочего класса хлебом. «Борьба за хлеб, — говорил тогда В. И. Ленин, — это борьба за социализм».

Нужно было в невероятно трудных условиях отбить хлеб у кулаков, минуя фронты гражданской войны, доставить его в пролетарские центры, дать хлеб Красной Армии. Понадобились люди, беззаветно преданные революции, гибкий государственный аппарат, способный выполнить эту грандиозную по своей сложности задачу.

И В. И. Ленин нашел человека, способного возглавить это важнейшее государственное дело. Им был

А. Д. Цюрупа, которого Владимир Ильич хорошо знал как стойкого, принципиального большевика, выдержавшего суровые испытания, выпавшие на его долю до революции, с честью прошедшего самые крутые перевалы истории.

А. Д. Цюрупа был назначен наркомом продовольствия, возглавил великий поход за хлебом, начатый по призыву Ленина. Кулацкими обрезами, белокачальными шашками, пушками и танками интервентов враги Советской власти безуспешно пытались перерезать пути продовольственных маршрутов — эшелонов жизни. За продвижением их лично следил нарком продовольствия.

Страна выстояла. Голод был побежден. И сегодня, когда те дни стали страницами истории, интересно вспомнить, каким трудным был тот хлеб — хлеб первых послеоктябрьских лет.

Пробуждение

Начальник херсонского губернского жандармского управления полковник Тампофольский вызвал ротмистра:

— Получена срочная бумага наших харьковских коллег. Необходимо произвести обыск в усадьбе помещика Скадовского.

— Помещика Скадовского? Предводителя дворянства?! — удивился ротмистр. — В чем же провинился Георгий Львович?

— Он-то ни в чем. Зато его сестрица, уважаемая Ольга Львовна, занимается недозволенными делами. Вот, полюбуйте. — Полковник протянул ротмистру бумагу. — Народные аудитории, читки литературы. Какие могут быть читки для крестьян? Какой литературы? У нас под носом, в деревне Белозерке...

— Что же они там читают крестьянам...

— Вот это я и хочу знать.

— А как это обнаружилось?

— При обыске у харьковчанки Софьи Русовой, которая давно известна полиции, нашли письмо Скадовской. Это насторожило. Вот оно, это письмо.

— А почему был обыск у Русовой?

— На то имеются причины. — Полковник Тампофольский рассказал ротмистру обстоятельства дела.

Софья Русова считала себя демократкой, получала литературу из Львова от лиц, связанных с писателем-демократом Иваном Франко. Такая литература в России была категорически запрещена. Жандармам

это стало известно, они следили за Русовой и, когда та получила посылку с книгами, нагрянули с обыском.

— Вам придется немедленно выехать в Белозерку, в поместье Скадовских,— продолжал полковник Тампофольский.— Возьмите с собой двух жандармов, чтобы выглядеть внушительно, порасспросите Ольгу Львовну. Всякие там народные читки и прочие чудачества запретить категорически. Только без хамства! Все же она помещица. Лишь в крайнем случае угрожайте обыском.

Ротмистру это поручение было неприятным. Когда Ольга Львовна Скадовская, сорокалетняя дама, появлялась на вечерах в Дворянском собрании, к ней спешили с приветствиями многие видные горожане. И вот на тебе: с обыском! Но служба есть служба. И через час после разговора с полковником ротмистр в сопровождении двух жандармов уже ехал в экипаже — от полицейской кареты он отказался — по булыжным мостовым губернского города Херсона.

Экипаж проехал центр города, пыльную окраину Забалку, казенный сад сельскохозяйственного училища, выехал в степь и проследовал вдоль великолепного фруктового сада женского Благовещенского монастыря. Остались позади его стены и колокольни. Вот и широкое подворье помещика Скадовского.

Георгий Львович разъезжал по хозяйству — шла уборка урожая. Ольга Львовна была дома. Она удивилась, увидев приехавших ротмистра и двух жандармов.

— Завернули по пути? — спросила она.

— Нет, именно к вам,— услышала в ответ.

— Чему обязана?

— Разрешите конфиденциально...— Ротмистр кив-

нул жандармам, те остались у крыльца, сам же последовал за хозяйкой в комнаты.

— Что это у вас за народные чтения? Что вы читаете окрестным мужикам?

— Ах, вот почему вы пожаловали,— усмехнулась Ольга Львовна.— Разве в этом есть что предосудительное? Графиня Панина в Питере целый Народный дом открыла для рабочих. Слышите? В самом Питере.

— Ну, там это с дозволения полиции. А тут без нашего ведома. А что как запрещенную литературу читаете? — шутливо погрозил пальцем ротмистр.

— Что вы, какая запрещенная литература?! Мы читаем книги известных на Руси писателей...

— Например, Некрасова?

— Но ведь он не запрещен?!

— Мужичкам читать его не следует.

— Не понимаю. Читки я провожу давно, почему вдруг они сейчас взволновали вас.

— Извольте ли видеть... Только сугубо между нами. Есть у вас в Харькове такая знакомая Русова?

— Софья? Моя подруга...

— Так вот, эта ваша подруга получила из-за границы нелегальную литературу.

— Не может быть!

— Вот и ошибаетесь. Жандармы произвели у нее обыск и, между прочим, нашли вот это письмецо. Ваше? — показал ротмистр.

— Мое, но что в нем заинтересовало вас?

— Не присылала ли она вам для чтения чего предосудительного?

Помолчав, он продолжал:

— Видите ли, не хотелось огорчать вас, но мне поручено произвести у вас обыск...

— Обыск? У меня?! Да как вы посмели! — возмутилась Ольга Львовна.

— Виноват-с, по долгу службы... Но если вы сами покажете нам недозволенное...

— Ничего у меня нет... Впрочем, тут практикант-студент попросил сохранить два тюка... На несколько дней...

Глаза ротмистра загорелись.

— Ну вот, мы эти тюки и посмотрим. Где они? Пожалуйста, не утруждайте себя, только скажите. Я позову своих молодцов. Я мигом.— Он выскочил на крыльцо и тут же вернулся с жандармами...

В поместье Скадовских проходил практику студент Херсонского земского сельскохозяйственного училища Александр Цюрупа, к нему приходили Игнатий Гудзь, еще кто-то — Ольга Львовна знала не всех. Буквально несколько дней назад Цюрупа попросил:

— Если можете, сохраните, пожалуйста, на некоторое время вот это.

Он не сказал ей, что было в тюках. Она и не спрашивала. Ей было приятно, что молодежь доверяет ей.

А теперь Ольга Львовна чувствовала себя очень неудобно: как неосторожно она проболталась. Может быть, просто испугалась, что при обыске эти тюки будут найдены? Ведь если в них что-нибудь этакое окажется, как она посмотрит в глаза брату, да и что будет с ней?

Ротмистр не ожидал, что его добыча окажется такой обильной. В тюках, которые дала ему Скадовская, были печатные экземпляры книг «Социализм и политическая борьба» Плеханова, «В защиту правды. Речь Либкнехта», гектографические экземпляры сочинения Ф. Энгельса «Социализм в Германии», тет-

радь с надписью «К молодежи. П. Лавров». А главное — девятнадцать тетрадей рукописных журналов, издаваемых учениками Херсонского земского сельскохозяйственного училища, под названиями «Пробуждение», «Наблюдатель», «Зорька», «Злоба дня».

Так Ольга Львовна, сама того не ведая, выдала полиции революционный кружок, существовавший в Херсоне.

Студентов арестовали, препроводили в тюрьму. Началось следствие. У Ольги Львовны жандармы взяли подписку о временном невыезде за пределы губернии.

Узнав о скандале, разразившемся в его семействе, предводитель дворянства помещик Скадовский написал директору сельскохозяйственного училища: «Покорнейше прошу Вас... сообщить господину Цюрупе, что он от всяких отношений ко мне, как практикант, освобожден и по освобождении от ареста не имеет надобности являться в Белозерку».

— Цюрупу на допрос! — услышал Александр голос надзирателя. Тот повел его темными коридорами. Ввиду важности дела полковник Тампофольский решил сам допросить строптивых студентов. В мрачной комнатухе с зарешеченными окнами, привинченной к полу мебелью он усадил подследственного на табурет напротив себя и спросил:

— Признаете ли вы себя виновным в том, что занимались революционной пропагандой, имели цель свержение существующего строя? Подумайте хорошенько, прежде чем отвечать, подумайте о вашем будущем, о родных...

— Нет, не признаю, — сказал Александр.

— Чем вы занимались, когда собирались вместе?

— Чем занимаются студенты? Готовили задания, писали лекции. Я играл в оркестре, был у нас драматический кружок...

— Это все я знаю. А редактором вы не были?

— Редактором? Чего?

— Вот этих рукописных журналов. Я имел честь ознакомиться с некоторыми вашими статьями, вы назвали свой журнал «Пробуждение». Кого вы собрались будить? Нас? Но мы не спим, в этом вы теперь убедились.

Цюрупа промолчал. Кого хотели будить студенты? Самих себя, народ! Но смысла нет говорить об этом с жандармом.

Жандарм взял в руки один из журналов, прочел: «Вы ради удовлетворения своих прихотей ни перед чем не останавливаетесь, ничто вас не в состоянии удержать от грабежа. Вы на трупах братьев строите для себя дворцы, у вас не станет поперек горла кусок хлеба, отнятый у забитого, бессильного перед вами труженика... Нет для вас пощады, нет и достойной кары...» Ваша статья?

— Моя,— с гордостью сказал Цюрупа.

— К кому вы обращаетесь? Кто это «вы»?

— Это вы,— сказал Цюрупа.

— Я? Это для меня нет пощады? — привстал полковник.— Да знаете ли вы, что полагается за такие слова? По крайней мере ссылка в Сибирь, молодой человек! А то и каторга, да-с!

Александр не стал отрицать, что он писал статьи и в других номерах журнала, что одно время редактировал журнал, но категорически отказался назвать хоть одну фамилию других участников кружка.

— Вы создали библиотечку запрещенных изданий и раздавали книжки студентам,— настаивал Тампофольский.

— Никакой библиотечки я не создавал.

— Есть у вас в Харькове такой дружок Заикин?

— Его знает весь Херсон, это студент ветеринарного института, учится в Харькове...

— Нам известно, что именно Заикин переслал вам привезенные из-за границы работу Энгельса «Социализм в Германии», книгу Плеханова «Социализм и политическая борьба»...

— Это вам известно, а мне нет. Может, дадите почитать эти книжки? Скучно без дела сидеть в камере,— сказал Цюрупа.

— Издеваетесь, молодой человек? Собственно, мы в ваших показаниях не нуждаемся, у нас достаточно фактов для суда над вами и вашими единомышленниками.

— Если не нуждаетесь, зачем же этот допрос?

— Чтобы вы раскаялись, за признание полагается половина наказания. Кстати, Заикина мы тоже арестовали.

Ничего толком не добившись, жандарм отправил Александра в камеру.

Из тюремного окна Александр видел не только часового на вышке, стену да кусочек неба. Он мог наблюдать небольшую часть Турецкого вала, где муштровали новобранцев, где дети играли в разбойников. Однажды он услышал знакомые голоса:

— Гуси, гуси, до дому!

— Чого?

— Вовк за горою!

Так и он играл в детстве. Сейчас эту игру затеяли его братья и сестрички. Часовой погрозил им с вышки, но они не успокоились, пока не увидели в одном из окон тюрьмы его лицо, прижатое к решетке. Цюрупа помахал рукой: мол, вижу вас, спасибо! Это по-

сечение обрадовало его: помнят, думают о нем, ждут! Что бы ни было — родные с ним! На него нахлынули воспоминания...

Александр вспомнил маленький городок Алешки, где родился. Расположен он был в Таврических плавнях и песках, на берегу заросшей камышом реки Конки, одного из притоков Днепра. Осенью городок был сер и грязен, зато весной и летом утопал в абрикосовых и вишневых садах. Дом мещанина Вагинова, в котором жила семья Цюрупы, стоял в узком кривом переулке. Семья была большая. Шестерых сыновей и двух дочерей вскормила и вырастила Александра Николаевна Цюрупа. Нелегкие заботы легли на ее плечи: содержать такую ораву было непросто на скудное жалованье, которое получал глава семьи — Дмитрий Павлович Цюрупа, скромный секретарь городской управы.

Жалко было Александру уезжать из родных Алешек. Но там была лишь начальная народная школа и четырехклассное училище. Чтобы дети могли учиться дальше, родители решили перебраться в Херсон. Так Цюрупа навсегда расстался с беззаботным детством, с Алешками. Зато Алешки теперь никогда не расстаются с именем Цюрупы. В память о своем славном сыне они названы Цюрупинском.

Вскоре после переезда в Херсон семью Цюрупы постигло большое несчастье: скоропостижно скончался отец Саши Дмитрий Павлович. Сильно горевала мать. Однако надо было жить для детей, кормить семью. Она стала зарабатывать шитьем. Дети помогали, как могли. Семья жила, считая копейки.

Однажды, когда детям совсем нечего было есть, нечем протопить квартиру, мать попросила у заказ-

чицы аванс. Та дала ей двадцать пять копеек. Придя домой, мать обнаружила, что этих денег у нее нет.

— Боже мой, куда же они делись? Я только что держала их в руках,— огорчилась мать.— Может быть, я выронила их в сугроб, доставая ключ? Ну-ка, дети, поищите...

Сыновья и дочери кинулись во двор, руками разгребли сугроб у порога, отыскивали денежки! Радовались все: в доме появится хлеб...

С чего началось у Александра марксистское образование? Когда Александру исполнилось семнадцать лет, он поступил в сельскохозяйственное училище. Года через три после этого познакомился с Тихоном Ивановичем Осадчим, учителем по образованию, эрудированным статистиком, экономистом и социологом. Смолodu Осадчему приходилось скрываться от преследования властей, он был замешан в крестьянских волнениях. Тем не менее именно Осадчему губернская земская управа поручила организовать сельскохозяйственную выставку.

— Разрешите привлечь к работе по описанию экспонатов выставки студентов сельхозучилища,— попросил Осадчий. Тогда-то и стали его помощниками Цюрупа, Гудзь, Свирский, Парамонов.

Осадчему нравились молодые энтузиасты, особенно Цюрупа. Хотя и был он моложе учителя на четыре года, они подружились. Тихон Иванович позвал Александра домой, дал почитать ему «Коммунистический манифест». Возвращая брошюру, Александр восторженно сказал:

— Это для меня целое открытие. Нет ли у Вас еще чего-нибудь такого?

Осадчий достал другую книжку.

— Вот политэкономия Милля с очень интересными примечаниями Чернышевского, который разоблачает буржуазный характер мышления Милля. Карл Маркс высоко оценил работу Чернышевского. Почитайте.

Когда же Тихон Иванович убедился, что его ученик усвоил политэкономия, принес ему «Капитал» Карла Маркса, переведенный на русский язык. И надписал на титуле: «Задача гражданина и борца заключается в служении обездоленным и бесправным классам — рабочим и беднейшему крестьянству. Этой идее следует отдать все силы и даже жизнь».

Александр прятал книгу в таком надежном месте, что никакие жандармы во время обысков не могли бы ее обнаружить. Эту книгу пронес он через всю свою жизнь. И через тридцать пять лет, когда Цюруппа занимал высокие государственные посты, был заместителем Ленина, Тихон Иванович Осадчий пришел к нему в кремлевскую квартиру и увидел подаренную им книгу на письменном столе Цюруппы. Александр Дмитриевич взволнованно сказал:

— Ваш великий завет, Тихон Иванович, я выполняю, насколько позволяют силы...

Тихон Осадчий рассказывал молодежи о положении крестьянских хозяйств губернии, делал обзоры марксистской литературы.

Студенты стали собираться на квартире Осадчего. Читали «Капитал» К. Маркса, обсуждали прочитанное, спорили.

После четырех лет пребывания в сибирской ссылке, во второй половине 1891 года приехал в Херсон профессиональный революционер Н. П. Козеренко. Из подготовленных Осадчим студентов он создал первый в городе марксистский кружок, в который вошли студенты сельскохозяйственного училища.

Цюрупа, Гудзь, другие товарищи стали создавать революционные кружки и в других учебных заведениях.

Тогда уже в училище выходил рукописный литературно-просветительный журнал. Он пропагандировал марксизм, классовую борьбу с той поры, как его редактором стал Александр. Студенты называли журнал «Пробуждение», считая, что его цель — пробуждать народ, звать на борьбу за свободу, за лучшую жизнь.

Быстро промчались годы учебы. Последний курс. Полагалось проходить практику. Александра направили в поместье Скадовских. Помещик обрадовался: дешевая рабочая сила! С раннего утра, как только заканчивалась зоря, отправлялся Цюрупа в поле.

Часто видел он, как скачет по полям на лошади сестра помещика Ольга Львовна.

Однажды она заговорила с Александром, попросила:

— Вы бы помогли мне в одном деле. Я отвела помещение для народной аудитории, для просвещения крестьян устраиваю читки литературы...

Цюрупа проникся уважением к Ольге Львовне, обещал помочь.

К Александру в Белозерку часто заходили его друзья. Однажды Ольга Львовна застала их за варкой светло-желтой массы.

— Что это? Вы сами себе обед готовите? — спросила.

— Только что приходил сторож, и мы уже объяснили ему, что варим кисель, — услышала в ответ. — Сказали, что, когда остынет, приятно будет попить.

— Так я и поверю вам. Напрасно скрываете от меня, — укоризненно продолжала она. — Может, именно я была бы вам полезна. Я ведь часто задумываюсь

над крестьянской жизнью,— искренне сказала Ольга Львовна.

Цюрупе показалось, что была доля правды в ее словах. Да, хозяин имения — властный и жадный к наживе, а сестра его... Что ж, разве не бывает так, что и богатый человек, живущий в достатке, при виде окружающего бесправия проникается сочувствием к угнетенным, становится на путь революционной борьбы. Мало ли подобных примеров?

Они не стали скрывать, что готовят смесь желатина с глицерином для самодельного гектографа.

— Надеюсь, все это останется между нами? — сказал кто-то из студентов, указывая на самодельный станок.

— Конечно! — воскликнула Ольга Львовна. — Можете мне верить. Убедитесь, что я вам не враг.

Эти слова пришли на память Александру, когда стало известно об арестах в других городах. И он с разрешения Ольги Львовны отнес два тюка в Белозерку, в усадьбу помещика Скадовского. Кто догадается искать нелегалыщину у самого предводителя дворянства?

Херсонские обыватели шепотом, озираясь, передавали друг другу страшную новость: в городе раскрыта подпольная организация! Не где-нибудь в Петербурге или в Москве, а в их тихом городе. Какие-то юнцы осмелились протестовать против раз навсегда установленного порядка, выступать против начальства, низвергать устои! А во главе преступников — студент Александр Цюрупа!

Впрочем, уже в день ареста Цюрупа перестал быть студентом. Жандарм сообщил директору училища об аресте и передал записку помещика Скадовского. Ди-

ректор заверил жандарма, что примет экстренные меры. В тот же день он созвал педагогический совет.

— Некоторые наши студенты арестованы как политические преступники. Надо смыть это пятно с нашего училища! Прежде всего речь идет об Александре Цюрупе. Предлагаю исключить его из числа студентов.

Директор обвел тяжелым взглядом присутствующих, как бы предупреждая: не вздумайте возражать!

Ему никто и не возражал. Тут же последовал звонок полковнику Тампофольскому об исключении бунтовщика из училища.

Живому по натуре, деятельному и решительному Александру нелегко было переносить заключение, терпеть унижительные допросы, издевательства надсмотрщиков, однако он все выносил стоически и поддерживал товарищей.

Как ни старался полковник Тампофольский, крупного дела из этого ареста студентов создать не удалось, хотя следствие тянулось целый год. Закончив его, жандармы направили пространный доклад в департамент полиции. Последовало высочайшее повеление: Козеренко, возглавлявшего кружок, подвергнуть одиночному заключению на один год, затем выслать на три года в Вологодскую губернию. Цюрупу, Свирского, Парамонова, Гудзя, Заикина после отсидки в тюрьме подвергнуть гласному надзору полиции на два года.

Жандармский полковник накануне освобождения вызвал Александра Цюрупу к себе, предупредил еще раз:

— Никакой политики! На этот раз вы счастливо отделались, но, если попадетесь еще раз с подобны-

ми «Пробуждениями», пеняйте на себя. Сибири вам не избежать.

Звякнула в последний раз железная узорчатая калитка высокой тюремной ограды. Похудевший, стриженный, в измятой одежде, пошел Александр по улицам города. Но шел он не пригнувшись, не тайком, а с достоинством, с гордо поднятой головой. В чем его вина? Лишь в том, что борется за лучшую жизнь. Пускай чувствуют себя виноватыми те, кто преследует его за свободолобивые убеждения!

Мать, братья и сестры кинулись навстречу. Обняв сына, Александра Николаевна спросила:

— Значит, выпустили совсем? Ты свободен?

— Не совсем,— ответил Цюрупа.— Два года особого надзора полиции, так что будут следить за нашим домом, а потом еще два года гласного надзора...

— Что это значит?— с тревогой спросила мать.

— Буду являться на регистрацию...

— Ничего, заживем так, чтобы никто не мог пожаловаться на тебя.

Мать тревожно заглянула ему в глаза.

— Так не выйдет, сыночек?

— Не выйдет, мама. Но постараюсь, чтобы вас не беспокоили.

Александра Николаевна лишь тяжело вздохнула.

Еще в тюрьме Цюрупа раздумывал над тем, как прокормиться, как помочь семье после освобождения. Знакомый либеральный адвокат поручился за Александра перед нотариусом, и тот дал ему переписывать бумаги. Этим занимался Александр, пока не окреп. Однажды он пришел домой веселый, сказал:

— Нанялся рабочим на лесопилку. Верный заработок, и на свежем воздухе.

Мать заволновалась:

— Ты что? Там тяжелые бревна, не осилишь!

— Осилю. Другие же работают?!

Александр приходил домой утомленный, ныло все тело, во сне первое время подергивал руками, зато он не только помогал матери содержать семью, но и был среди рабочих, мог вести среди них пропаганду.

Пильщики сочувствовали «студенту из политических», внимательно слушали, когда он в редкие минуты отдыха, в отсутствие хозяина и мастера объяснял им, почему тот, кто пилит лес, получает лишь полтинник за четырнадцатичасовой трудовой день, давая за это же время хозяину восемь рублей прибыли — в шестнадцать раз больше!

Но Александр рвался к настоящему делу, пытался восстановить прежние связи.

Однажды Цюрупу встретил на улице товарищ по училищу:

— Слыхали мы, что у тебя хорошие отношения с рабочими. Приходи на занятия нашего кружка, приводи своих. Двух, трех, самых активных...

— А у кого вы собираетесь? Когда? — расспрашивал Александр.

— На квартире учительницы Вайнер. Знаешь? Будем ждать.

Кроме пильщиков на занятия кружка приходили судоремонтники, портовики. Квартира учительницы стала тесной, да и полиция могла пронюхать о собраниях.

— Найдем хатку на окраине, хотя бы у казенного сада, — предложил Цюрупа. — Там будем читать марксистскую литературу. А для конспирации — собираться как бы на гулянку.

Занятия кружка посещал губернский земский санитарный врач П. Ф. Кудрявцев, в прошлом ак-

тивный народоволец. Ему понравился Александр Цюрупа — рабочий-студент, убежденный и развитой не по годам. Кудрявцев был на семь лет старше, тем не менее они подружились. Санитарный врач увлекался статистикой, говорил:

— Цифры — зеркало жизни. В цифрах — истинная поэзия.

Александр сначала снисходительно улыбался, потом стал прислушиваться к его словам. Да, пожалуй, он прав, цифры нужны и для революционной пропаганды.

Однажды Кудрявцев спросил Цюрупу:

— Хотите поработать статистиком? Я поручусь за вас в губернской санитарной управе, буду брать в поездки по селам, хуторам, помещичьим экономиям. Мне нужен помощник...

Цюрупа с радостью принял за новое дело. Они ездили с целью статистического обследования и санитарного надзора по бескрайним степям Херсонщины и Таврии. Местные власти обязаны были не препятствовать им, и они вели откровенные беседы с батраками, возницами, малоземельными крестьянами.

...В восьмидесяти километрах от Херсона над широкой поймой Днепра расположен легендарный город Каховка. Сегодня его знают все. Знают, что там в годы гражданской войны Конармия Буденного, войска Фрунзе сражались с беляками. Теперь в том краю построена гидростанция, плещутся волны Каховского моря, проходит канал, снабжающий Крым днепровской водой.

А когда скромный статистик Александр Цюрупа приехал на Каховский базар, — это был невольничий рынок юга России. Небольшой поселок с населением до десяти тысяч человек два раза в год — ранней вес-

ной и осенью разбухал, разрастался, впитывал в себя вчетверо больше людей. Осенью на шумные ярмарки съезжались московские и одесские купцы, ставили шалаши-магазины, крестьяне привозили свой товар — фуры зерна, овощи, фрукты, приводили скот. А весной, перед началом полевых работ, в Каховку сходились до сорока тысяч батраков, которые нужны были помещикам фальц-фейнам, дурилиным, окрестным кулакам — владельцам тучных черноземных полей, раскинувшихся по обе стороны нижнего Днепра.

Невольничий рынок произвел гнетущее впечатление на молодого статистика Цюрупу. Потом на занятиях кружка он рассказывал об этом, приводил собранные данные, доказывающие жестокую эксплуатацию беднейшего крестьянства.

Об этом стало известно полиции.

— Вы у нас не работаете, — однажды заявил Цюрупе старший чиновник земской управы. — Потрудитесь не посещать нас более. Швейцару дано распоряжение вас не пускать.

Опять пришлось искать заработок.

— Что-нибудь придумаем, — утешал Кудрявцев. — А пока советую заняться самообразованием, изучайте научные основы статистики, экономики, демографии, я вам помогу.

Александр последовал совету, но полиция не выпускала его из поля своего зрения. К августу 1895 года она собрала достаточно материала о херсонских социал-демократах, нагрянула с обыском и к Цюрупе.

У него изъяли, как указано в протоколе, «переписку компрометирующего содержания».

— Собирайтесь, пойдете с нами, — сказал жандарм.

Мать вздрогнула. Обнимая сына, прошептала:

— Тяжкую ты выбрал себе дорогу, сынок.

На этот раз Александра Цюрупу судили в Одессе.

После второй отсидки в тюрьме Цюрупа уехал подальше от родных Алешек и Херсона, в приволжский город Симбирск. Туда же вскоре приехали его товарищи по херсонской социал-демократической организации — Осадчий, Гудзь, Задорин... С ними стало не так одиноко. Поселились все в одном доме, жили коммунально: что зарабатывали — отдавали в общий котел.

В Симбирске к тому времени открылось губернское статистическое бюро. Кадров не было, на вакансию статистика, знающего сельское хозяйство, взяли Цюрупу. Получил он это место с условием, что каждый раз будет сообщать полиции, куда и зачем едет, с кем, о чем намерен разговаривать.

Когда появились первые результаты работы симбирских статистиков и местные власти ознакомились с ними, предводитель дворянства князь Оболенский заметил:

— Самое большое наше зло — это статистика и статистики, с которыми мы не можем бороться.

Царская охранка понимала опасность, которую для существующего строя представляла статистика, активно боролась с теми, кто пытался анализировать получаемые цифровые данные с революционных позиций.

Преследуемый полицией, Цюрупа оставил Симбирск и в конце декабря 1897 года приехал в Уфу.

Незабываемые встречи

В Уфе, на углу Бекетовской и Приютовской улиц, стоял небольшой дом, в котором жила семья Рязанцева — местного либерала, сочувствовавшего социал-демократам. Туда приехал из Симбирска Александр Цюрупа. Уфимский адрес явочной квартиры сообщили ему его товарищи социал-демократы. Утомленный дорогой и уральским бураном — долго пришлось блуждать в незнакомом городе по кривым, узким заснеженным улочкам, — постучался он в домик Рязанцевых.

Дверь открыла девушка, которая как бы ввела путника из непогоды в теплый, домашний мир.

Лицо ее было серьезным, без тени кокетства, глаза ясные, чистые, внимательные. Она была словно неожиданная награда за все пережитые неприятности и невзгоды.

Александр смутился, потрогал загрубелое от ветра, небритое лицо.

— Простите... Это дом Рязанцевых?

— Да.

— Здравствуйте, привет вам из Симбирска. Вы... хозяйка?

— Я Маша, — просто сказала девушка. — А вы Цюрупа. Про вас мы предупреждены. Заходите в столовую, скоро будем обедать.

— Спасибо, я сыт, — поскромничал Александр.
Девушка улыбнулась:

— У нас не стесняются, чувствуйте себя как дома. Папа скоро придет.

«Значит, дочь»,— понял Александр.

Маша накрывала на стол, расспрашивала о Симбирске, о нем самом. Доверительно сообщила:

— Я недавно закончила гимназию, мечтаю о столичных курсах, пока помогаю папе.

Ему на миг показалось, что он уже давно знает эту девушку — так просто и приветливо она держалась. Они оба были молоды, полны сил. С первых дней знакомства между Александром и Машей установились ясные, простые отношения. «Поступлю на службу — сделаю предложение»,— вскоре решил Александр.

У Рязанцевых Цюрупа познакомился с местными активистами — Свицерским, Варенцовой, Бойковым, Покровским, Якутовым. Иван Степанович Якутов работал в паровозоремонтных мастерских, был активным подпольщиком.

— Приходите к нам в депо, будете вести кружок,— предложил он Цюрупе.

— Хорошее предложение,— поддержала Варенцова.

— Завтра будем ждать вас.

Александр включился в работу уфимских социал-демократов.

И в Уфе Цюрупа занимался статистикой. Под его редакцией вышли два тома «Сборника статистических сведений по Уфимской губернии». Революционеры пользовались данными сборника, подтверждая цифрами тяжелое положение крестьянства. Цюрупа вел занятия кружков в Уфе и по поручению социал-демократической организации выезжал в Златоуст, Миньяр и другие места Южного Урала.

Однажды Якутов сказал ему:

— В Уфу скоро приедут Ульяновы. Вы, наверно, слышали о Владимире Ильиче?

— Вот с кем я мечтаю встретиться! — воскликнул Цюрупа. — Вы читали последние труды Ульянова?

— Еще бы! Гениально! А ведь он еще молод, ваших лет. Хорошо, что он приезжает к нам. Но, наверно, за ним следят, собраний не будет...

— Почему? Ульянов не из пугливых и конспиратор замечательный.

— А вы откуда знаете?

— Рассказывали петербургские товарищи. Несмотря на молодость, Ульянов известен как умелый конспиратор. Нет, мы послушаем его обязательно!

Ульянов с женой Надеждой Константиновной Крупской и ее матерью Елизаветой Васильевной выехали из Шушенского 29 января 1900 года. Кончился срок ссылки Ульянова, его жене полиция предписала некоторое время пожить в Уфе. И вот в начале февраля они прибыли туда. Владимир Ильич сразу назначил день конспиративного собрания местных социал-демократов. Цюрупа тоже получил приглашение. Он с нетерпением ждал встречи с Ульяновым. Каков этот Владимир Ильич? Конечно, смелый, решительный, раз, только вырвавшись из ссылки, без передышки снова берется за дело. Да, такие люди, как Ульянов, нравились Александру. Ведь и сам он после очередного ареста, едва очутившись на свободе, несмотря на пристальный надзор полиции, продолжал революционную деятельность. Для него тоже стало профессией делать революцию.

Квартиру для собрания предоставил старый народоволец О. В. Аптекман. Владимир Ильич поинтересовался входом и выходом, осмотрел двор, узнал, где ближайшая стоянка извозчиков, не близко ли бу-

дочники — городовые, — он все предусмотрел на случай появления непрощенных гостей. Аптекман и его жена приготовили незатейливое угощение, положили на отдельный столик игральные карты, чтобы придать собранию видимость безобидной вечеринки.

Соблюдая предосторожности, пришли поодиночке Цюрупа, Покровский, Варенцова, ссыльный из Киева Крохмаль, молодой башкир Хабир, рабочий лесопильного завода, железнодорожник Якутов. Собралось человек двадцать. В столовой стало шумно и тесно. Александр внимательно вглядывался в Ульянова и молодую женщину, которая пришла с ним, — Надежду Константиновну. Коренастый, крутолобый, быстрый в движениях, Ульянов оживленно разговаривал со старой знакомой, ссыльной Варенцовой. Надежда Константиновна взялась помогать хозяйке и с приветливой улыбкой подавала горячий чай, который пришелся очень кстати после уличной стужи.

— Что ж, пора начинать, — напомнил Аптекман. — Говорите свободно, тут все свои. Чувствуйте себя спокойно, дети на улице, в случае чего предупредят.

Речь Ульянова захватила всех своей новизной и убежденностью. Нам, социал-демократам России, говорил он, нужна своя пресса, у которой должна быть ясная, марксистская точка зрения на все происходящее в мире. Разве допустимо, что «Рабочая мысль», например, в своем сентябрьском приложении за прошлый год опубликовала статью ревизиониста Эдуарда Бернштейна без всяких комментариев, согласившись, таким образом, с его взглядами?.. Бернштейн защищает сытую жизнь рабочей аристократии, и такая аристократия уже появилась в рабочем классе некоторых европейских государств... Еще найдутся философы и назовут это социализмом. Не-

которые политические деятели авантюрного толка отстаивают социализм только своей нации, своей страны. Скоро папа римский Лев XIII и султан турецкий заговорят о своем особом социализме. Мы должны пропагандировать свои взгляды. Для этого нам нужна своя общерусская нелегальная политическая газета!

Вот какой план вынашивал Ульянов, находясь в далеком завьюженном Шушенском! Александр вспомнил студенческий журнал «Пробуждение». Рукописный, маленький, порой в одном экземпляре, уже он был страшен кое-кому из правящих кругов в губернском городе Херсоне. А если газета, да все-российская, да большим тиражом?!

Ульянова засыпали вопросами: когда он предполагает начать такое издание? Есть ли финансы? Какими путями думает его распространять?

— Нет, денег нет,— отвечал Ульянов.— Если даже редакционные сотрудники будут работать совершенно безвозмездно, то все равно потребуются деньги на типографию, бумагу. Нужно начать сбор средств. Каждая копейка рабочего — это взнос на газету. Газету следует издавать где-нибудь за границей, наладить транспортировку. Можно через Варну, Одессу.

Ульянов сообщил, что он сам собирается объехать ряд городов России, чтобы создать опорные пункты будущей газеты.

— Надеюсь, вы согласитесь стать ее агентами здесь, в Уфе? Как назовем газету? Еще не продумал. Мне нравится «Искра». Помните? «Из искры возгорится пламя»...

Присутствующие размечтались. Незаметно пролетело время. Аптекман напомнил: два часа ночи, пора расходиться.

— Да, да, утром на поезд,— сказал Ульянов.

— Как? Уже? Завтра? — разочарованно протянул Цюрупа.

Все разошлись, Цюрупа задержался. Ему хотелось еще поговорить с Владимиром Ильичем.

— Три года назад я приехал в Уфу — дикость, религиозный фанатизм, странные обычаи, первобытные нравы. Никакой организации, никаких кружков,— начал Александр.— За это время собрались в Уфе интересные люди, читаем, учимся. А вашу работу о штрафах, Владимир Ильич, применяем на практике.

— Такие окраины Руси опасны для режима,— серьезно заметил Ульянов.— Когда будет газета, о которой мы говорили сегодня, нам легче станет работать с народом.

В Уфе Владимир Ильич пробыл всего два дня. Ему предстояло посетить в Риге революционера Сильвина, в Смоленске Бабушкина, побывать в Москве, Пскове, других городах. Крупская осталась в Уфе. Цюрупа и Маша, которая стала его женой, навещали ее.

Во второй половине июня 1900 года Ленин вновь приезжал в Уфу. Пробыл он более двух недель, создал крепкий опорный пункт «Искры». Возглавляла его Надежда Константиновна, которая жила в Уфе по март 1901 года. Цюрупа был в числе наиболее активных сторонников «Искры».

Александр Дмитриевич, используя свои обязанности статистика, ездил по деревням, собирал сведения для газеты. Полиция следила за ним, но не задерживала — не к чему было придраться. Уфимский губернатор писал министру внутренних дел России: «Надо бы приостановить временно в Уфимской губернии статистические работы, которые со-

пряжены с разъездами по губернии статистиков, лиц по большей части с политическим прошлым». Людей, подобных Цюрупе, указывал он, «совершенно невозможно допускать до официального общения с рабочим населением горных заводов губернии... Нельзя допускать распространения революционной пропаганды среди населения...»

Цюрупа замечал, что жандармы следуют за ним по пятам. На Южном Урале оставаться было опасно, он выехал в Питер. Ехал туда, где был Владимир Ильич, хотелось встретиться с ним, посоветоваться...

Ульянов принял Цюрупу как старого друга, спросил о здоровье жены, внимательно слушал подробный рассказ о Южном Урале, товарищах, с которыми там познакомился в девятисотом году.

Ленин ценил жизненную мудрость, природный ум Цюрупы, добросовестность в работе. Исследовательскую работу Цюрупы, написанную вместе с Кудрявцевым, — «Пришлые сельскохозяйственные рабочие на Николаевской ярмарке в местечке Каховке, Таврической губернии, и санитарный надзор за ними в 1895 году» — Ленин использовал, еще когда писал свой труд «Развитие капитализма в России».

— А не поехать ли вам в Харьков? — предложил Ульянов. — Там после первомайской демонстрации арестованы многие наши товарищи, нужно поддержать местных социал-демократов, оживить их работу.

По дороге в Харьков Александр Дмитриевич заехал в родной Херсон. Все здесь показалось ему теперь маленьким, необычайно тихим и пустынным. Александр Дмитриевич узнал о судьбе братьев. Егор Дмитриевич учился в Петербурге, Виктор Дмитрие-

вич был в дальнем плавании, Николай и Лев, как и он сам, находились на нелегальном положении. Мать постарела, осунулась.

— Наше время придет,— утешал ее Александр.— Но за него мы должны бороться, пойми нас.

— Что ж, я все понимаю, сынок, поезжай туда, где ты нужен.

Приехав в Харьков, Цюрупа вошел в состав местного комитета РСДРП. Он и здесь продолжал работать статистиком и летом 1901 года руководил забастовкой статистиков города. А когда Цюрупу вместе с другими «бунтовщиками» уволили со службы, забастовали триста служащих земства. Губернатор вынужден был докладывать об этом министру внутренних дел России Сипягину.

На Тарасовке, далекой тогда окраине Харькова, в низеньком домике тайно собирались рабочие-активисты. Социал-демократ Шеренков привел сюда Александра Цюрупу.

Цюрупа руководил подготовкой первомайской демонстрации харьковских рабочих и студентов. Но полиция и здесь выследила его: фотографии Цюрупы имелись во всех полицейских участках. Пришлось уехать и из Харькова.

Затем по заданию партии Цюрупа выехал в Тамбов. Но прежде он побывал в городе Николаеве, где встретился с братом Николаем, чтобы наладить связь херсонской группы социал-демократов с «Искрой».

Князь Кугушев

Сходка революционной молодежи Тамбова проходила на окраине города. Когда Цюрупа шел туда, он обратил внимание на тройку лошадей, впряженную в тарантас, стоявшую под развесистым дубом. Ни кучера, ни хозяина не было видно, лошадей просто привязали к дереву.

— Чьи это? — спросил Цюрупа сопровождающего товарища.

— Князя Кугушева, — ответил тот.

— Князя? — удивился Цюрупа. — А что ему здесь надо?

— Он с нами... Это необычная история. Вячеслав Кугушев — потомок родовитых татарских князей, отец его провел молодость в походах на Коканд, Хиву, Бухару. Женившись, взял в приданое золотые прииски. У него тысячи десятин земли, несколько имений. Они находятся и тут, недалеко от Тамбова, и в Уфимской губернии... Отец — крупнейший землевладелец, а сын мечтает раздать эту землю крестьянам, верит, что наступит время господства свободы и разума. Отец мечтал о военной карьере для сына. Но в Петербурге, куда его отправил отец учиться, Вячеслав посещал социал-демократические кружки. Его дважды арестовывали. Первый раз вмешались влиятельные друзья отца, и дело замяли. После второго ареста Вячеславу пришлось отсидеть в тюрьме. Ему запретили государственную службу, выслали в

имение отца. Тот решил поделить имущество, надеясь пробудить у сына чувства собственника, желая занять его хозяйством. Ничего из этого не вышло. Старый князь подсылал верных людей следить за сыном, был, так сказать, двойной надзор, Вячеслав еле освободился от опеки. Тогда отец стал грозить, что посадит Вячеслава в дом умалишенных, лишит его наследства.

— Зачем же такому человеку наследство? — спросил Цюрупа.

— Он мечтает крупную сумму денег отдать на революцию. Вот и не рвет окончательно с отцом, обещает исправиться.

— Но все-таки посещает тайные собрания?

— Как видите.

«Да, подобное бывает,— подумал Цюрупа.— Случались уже такие парадоксы. Ведь среди декабристов тоже были князья и дворяне. Правда, время тогда было другое. Сейчас-то главная сила революции — пролетариат. Но все-таки надо будет познакомиться с этим Кугушевым...»

Вечерело. Вокруг Цюрупы сгрудились организаторы сходки. Ждали его выступления. Он встал на пригорок.

— Товарищи! Меня послал Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии. Вы знаете, что начала выходить общерусская политическая газета «Искра». Вот один из ее последних номеров.— Цюрупа вынул из бокового кармана газету, развернул ее.— В нем опубликована статья товарища Ульянова о необходимости создания сильной марксистской партии рабочего класса...— Цюрупа подробно рассказывал об «Искре», призывал молодежь быть ее распространителями.

Вдруг раздались предупреждающие крики:

— Жандармы! Облава! Разбегайтесь! Скрывайтесь!

Кто-то схватил Цюрупу за руку, увлек в сторону, туда, где была тройка лошадей.

— Следуйте за мной! Вырвемся! — сказал ему незнакомый человек.

При слабом свете светившей из-за туч луны Цюрупа заметил его военную выправку, жесткий бобриск стрижки на непокрытой голове, лицо восточного типа, с узковатыми, чуть раскосыми глазами. Он был молод, строен, стремителен. «Князь Кугушев, — мелькнула догадка. — А не провокатор ли он?»

Но близко раздались свистки полицейских, участники сходки разбежались кто куда. Раздумывать было некогда.

Кугушев отвязал лошадей, вскочил в тарантас, крикнул:

— Да садитесь же! — и хлестнул лошадей, едва Цюрупа встал на подножку. Кони рванули, понеслись вскачь. Позади раздались крики: «Стой! Стой!» Были слышны выстрелы. Но уже через несколько минут тройка неслась по степной дороге, где не было жандармов, где слышался лишь свист ветра, погромыживание колес да глухой стук копыт.

Некоторое время они ехали молча, быстро удаляясь от Тамбова. Наконец Кугушев попридержал вожжи, лошади пошли тише.

— Вот послушал вас, и захотелось познакомиться поближе. А тут и случай представился, как говорится, не было бы счастья, так несчастье помогло, — начал он.

— Ну какое уж тут счастье. Спасибо, что выручили, — отозвался Цюрупа. — Значит, вы и есть князь Кугушев...

— Уже рассказали...

Убедившись, что погони нет, они разговорились. О России, о ее прошлом, настоящем и будущем, о новой, только что возникшей марксистской партии, которая должна вывести пролетариат страны на прямую, широкую дорогу, об удивительном его вожде Ульянове, о его трудах... Кугушев много читал. Он декламировал Пушкина, Некрасова.

Эта поездка казалась Цюрупе каким-то фантастическим, сказочным приключением. Странно все-таки. Вот ведь князь, очень богатый человек, наследник золотых приисков, поместий, а сидит рядом с ним, странствующим революционером, не имеющим лишнего гроша в кармане, ругает капиталистов, помещиков, ищет путей новой жизни...

Цюрупа вспомнил случай из своего детства. Он играл с сыном дворника, рассердился на него за что-то, крикнул: «Эй ты, подвальный житель!» Квартира дворника действительно находилась в сыром подвале. Мать услышала это, позвала: «Саша, иди-ка сюда». Когда он подошел, мать надавала ему шлепков, приговаривая: «Вот тебе за подвального жителя! Вот тебе, чтоб не заносился! Наш отец получает жалованья всего на шесть рублей больше дворника, так что ты с ним ровня!»

Этот урок Александр запомнил на всю жизнь. Дело не в том, кто как и где живет. Главное — что у человека на уме, как он относится к жизни...

Путники не заметили, как доехали до подворья крупного имения. Из дома выбежал человек, сказал, принимая лошадей:

— А мы тут заждались, ваше сиятельство.

Слово «сиятельство» покорило Александра Дмитриевича. «Может, западня?» — подумал он.

Но Кугушев радушно пригласил последовать за ним.

Умывшись с дороги, они сели пить чай.

— Вам в городе показываться нельзя, уже заметили филеры, пробравшиеся на сходку, — сказал Кугушев. — У меня созрел план. Вы в сельском хозяйстве разбираетесь?

— Я агроном-статистик, — сказал Цюрупа. — Училище не дали закончить, зато есть практика...

— Вот и хорошо. В таком случае принимаю вас на должность управляющего моим имением «Отрада», которое находится в Уфимской губернии. Поработаем с вами на славу! Чем больше будет у нас прибыли, тем больше денег мы сможем дать на революционное дело. Идет?

«Фантастично! А что, если принять его предложение? — задумался Цюрупа. — Это имение можно сделать временным пристанищем для преследуемых полицией революционеров, таких, как я, да и деньги партии очень нужны».

— Идет, — согласился он...

Вячеслав и Александр сдружились. Немало времени они проводили вместе. Отношения их особенно упрочились, когда Кугушев, познакомившийся с сестрой Цюрупы, Анной Дмитриевной, женился на ней. Практичный, работающий агроном сразу поставил дело на широкую ногу, закупил заграничные машины, химические удобрения, приказал сеять только сортовыми семенами, стал разводить племенной скот. Отец Кугушева писал сыну, что доволен деятельностью нового управляющего, велел держаться хорошего человека...

Ранним утром, умывшись холодной водой и наскоро позавтракав, Цюрупа садился на полюбившегося ему коня Булата и ехал в поле. Работники — местные крестьяне уважали управляющего: он был справедлив, внимателен, заботлив. Вел Цюрупа пе-

реписку с прежними товарищами. Но никто из окружающих не знал, что к управляющему не раз вечерами приходили его старые знакомые, он давал им деньги, продукты, помогал прятать запрещенную литературу.

Полиция все же и тут обнаружила Цюрупу. В Самаре арестовали ветеринарного врача К. К. Газенбуша. При обыске у него нашли неотправленное письмо, которое начиналось так: «Дорогой Александр Дмитриевич!»

— Кто такой Александр Дмитриевич? Кому адресовали? — допытывался следователь.

Арестованный упорно молчал. Тогда самарские жандармы разослали запрос по многим управлениям. В деле Цюрупы к тому времени уже содержалась переписка полицейских участков четырнадцати городов, в том числе Херсона, Симбирска, Уфы, Одессы, Харькова, Николаева, Севастополя, Тулы, Тамбова...

Обнаружили, что письмо Газенбуша было адресовано А. Д. Цюрупе, который исчез во время полицейской облавы в Тамбове. Выяснили, что кто-то видел его с молодым князем Кугушевым.

И вот в разгар сельскохозяйственных работ жандармы нагрянули в имение князя, произвели обыск в квартире управляющего. Цюрупа был в это время в поле. Маша, приехавшая недавно из Уфы, пыталась предупредить мужа, но жандармы помешали ей сделать это. Как только приехавший домой Цюрупа соскочил с коня, его арестовали.

Цюрупу заключили в Шацкую тюрьму, затем выслали на север, в Олонецкую губернию.

Это была тяжелая ссылка. В озерной Карелии, бывшей Олонецкой губернии, зимой стоят трескучие морозы. Снега выпадало так много, что засыпало из-

бы, в сосновом бору люди проваливались по пояс, а ведь им приходилось рубить лес, чтобы обогреться. Летом же донимали комары. Ссылка не сломила Цюрупу. Бывший ссыльный Б. Поплавский вспоминал: «В тяжкие минуты ссыльных поражала исключительная вера Цюрупы в победу рабочего класса. Кристальная честность и братское отношение к своим товарищам ссыльным, умение подойти к каждому, вникнуть в мелочи жизни каждого ссыльного, побеспокоиться о нем — вот что характеризовало Цюрупу... Это был настоящий революционер с железной волей, искренне преданный рабочему классу».

Попал Александр Дмитриевич в маленький поселок Тудозерский Погост на реке Олонец. Маша, как только узнала адрес, приехала к мужу с сыновьями Дмитрием и Петром. Энергичная, умелая на все руки, она поддерживала мужа и других ссыльных.

Однажды весной, когда озера и речки Олонецкой губернии разлились, пути стали опасными, размытыми, в окошко избы, где жила семья Цюрупы, постучались. Александр Дмитриевич, выглянув из окна, ахнул, увидев знакомое лицо с чуть раскосыми глазами. Это был князь Кугушев. Но в каком виде! В оборванной одежде, в наручниках, со следами чрезвычайного утомления на лице. За его спиной стояли урядник и жандарм.

— Вот, говорит, что ваш близкий родственник. Так что привели,— объяснил урядник.

— Конечно, конечно. Снимите с него наручники, не убежит! — потребовал Цюрупа.

Так судьба снова свела Александра Цюрупу с князем Кугушевым. Ссылка еще больше сблизила их. Они договорились, что после отбывания срока снова встретятся в родовом имении князя под Уфой.

Спустя два года Цюрупу перевели в город Вытегру «в видах лучшего за ним наблюдения».

В 1905 году, когда окончился срок ссылки, Цюруга приехал снова в Петербург, к Ленину, участвовал в заседании ЦК РСДРП. Владимир Ильич посоветовал ему вновь ехать в Уфу, восстанавливать старые партийные связи.

По поручению партии Александр Дмитриевич побывал и в Златоусте, рассказывал уральским рабочим о том, что произошло в Петербурге на Дворцовой площади 9 января 1905 года. Однажды, когда после очередного выступления Цюруга уходил с митинга, неожиданно из-за деревьев выскочили жандармы, один из них закричал:

— Вот он, хватайте его! — и кинулся к Цюруге.

Рабочие стали стеной, спинами прикрыли приезжего большевика. Жандармы оробели, побоялись применить силу. На этот раз Цюруга ушел благополучно.

Цюруга переезжал из города в город, выполняя поручения партии.

Полиция неотступно следила за ним. Летом 1910 года унтер-офицер Изергин доносил:

«В Узенском винокуренном заводе № 20 — Вячеслава Александровича, князя Кугушева, существует партия социал-революционеров, к которой принадлежат управляющий именем Александр Дмитриевич Цюруга, крестьянин из села Булгаково Чугунов и ихний объездчик Иван Кондратьевич Шустов... 20 июня В. А. Кугушев и управляющий А. Д. Цюруга ездили в город Уфу, откуда вернулись 23-го того же июня... К управляющему Цюруге из города Уфы 27 июня приезжали две сестры Рязанцевы... Все эти

вышеупомянутые лица очень часто ездят на так называемые «Голубые озера», где, по собранным сведениям, прошлые годы устраивались неоднократные сборища...»

Не знал унтер-офицер, что в Уфе Цюрупа и Кугушев встречались с представителем Центрального Комитета партии большевиков Иваном Адамовичем Саммером и передали на нужды партии почти весь доход имения — несколько тысяч рублей...

Князь-революционер еще раз побывал в ссылке. Но сбежал. Поехал на озеро будто ловить рыбу, сбросил сети и одежду, перевернул лодку, выплыл к месту, где заготовил другую одежду. Побег удался. До февраля 1917 года Кугушев жил за границей.

Ему еще доведется в будущем встретиться с Цюрупой и выполнить важное поручение Советского правительства.

Председатель думы — большевик!

Как только весть о Февральской революции дошла до имения князя Кугушева, резвые кони помчали Александра Дмитриевича в Уфу. Он спешил туда, где мог подробнее узнать, как разворачиваются события. То, что он увидел, наполнило его радостью. Улицы, площади были полны народа. Конец каторгам и ссылкам! Казалось, что наконец-то Россия получила долгожданную свободу, которую так долго ждал ее народ.

Но на первом же митинге Цюрупа понял, что представители разных партий воспринимают революцию по-своему. Вот военный, судя по всему из кадетов, с балкона богатого особняка призывает продолжать войну до победного конца, купцы и чиновники кричат в ответ на его призывы «ура».

— Кому нужна война? — Этот вопрос задал выступавшему Цюрупа. — Помещикам и капиталистам! Надо бороться за мир, за землю, за контроль рабочих над фабриками и заводами!

На него замахали руками, зашикали. Но большинство поддержало Цюрупу.

— Правильно! — раздался над толпой сильный голос рабочего.

Меньшевики считали, что революция закончена, соглашались делить власть с буржуазией. Большевики разъясняли трудящимся, что борьба за настоящую революцию, пролетарскую, лишь начинается,

пробирающаяся к власти буржуазия не даст народу ни мира, ни свободы, не избавит страну от голода и разрухи. Формирование Временного правительства из министров-капиталистов подтвердило это.

«Где сейчас Владимир Ильич?» — думал Цюрупа.

Он, как и другие большевики Уфы, ждал вестей от Ленина, от Центрального Комитета партии. А пока, используя все легальные возможности, надо было бороться за мир и хлеб. И когда Цюрупе предложили пост председателя губернской продовольственной управы, он согласился.

Сразу навалились дела. В так называемом комитете общественных организаций засели меньшевики и эсеры. Они выступали против какой бы то ни было монополии торговли, в том числе и хлебной, защищали кулачество, спекулировавшее продуктами питания, всячески возражали против посылки эшелонов с зерном в Петроград и Москву, где вследствие войны и разрухи начался голод.

Вскоре до Уфы дошла радостная весть о возвращении из эмиграции Владимира Ильича Ленина. Очевидцы рассказывали о грандиозной встрече вождя у Финляндского вокзала. Делегаты VII Всероссийской конференции пересказывали Апрельские тезисы Ленина, ставшие программой действий и для уфимских большевиков.

Цюрупа понимал: очень важно, чтобы урожайная Уфимская губерния как можно больше хлеба отправила рабочим в Питер, Москву, в другие промышленные центры. Он лично проверял, как идет подвоз и засыпка зерна в вагоны, участвовал в комплектовании железнодорожных бригад из самых преданных делу революции людей, напутствовал их добрыми словами. Благодаря стараниям местных большевиков в 1917 году и первой половине 1918 года Уфимская

губерния дала рабочим центрам около одиннадцати миллионов пудов хлеба.

Цюрупа занимался в Уфе не только продовольственными вопросами. Объезжая города и поселки губернии, заводы Южного Урала, он выполнял и другое поручение партии — организовывал первые профсоюзы в этих местах, призывал рабочих вооружаться. После его посещения в Усть-Катаве, Миньяре, на Богоявленском и других заводах начали формироваться боевые дружины, отряды Красной гвардии.

— Овладевайте оружием, создавайте военные организации рабочих! — призывал Цюрупа. — Грядет наша пролетарская революция и позовет вас на ее защиту.

Первая губернская конференция большевиков, на которой Цюрупа выступал в защиту ленинских Апрельских тезисов, избрала Александра Дмитриевича членом губкома партии.

Когда началась подготовка к выборам в городскую думу, фамилия Цюрупы была в списке депутатов от большевиков. Ясные и четкие лозунги большевиков призывали:

«Долой войну! Землю — крестьянам! Заводы — под рабочий контроль! Да здравствуют Советы как органы народной власти!»

Результаты голосования потрясли город: 71 процент избирателей отдали свои голоса большевикам! И это в Уфе, где совсем недавно кадеты и даже монархисты чувствовали себя так уверенно!

Члены думы собрались на первое заседание, заспорили: кому быть председателем?

— Преобладающее большинство голосов за нас, и председатель должен быть из наших депутатов, — заявили большевики. Они предложили кандидатуру Александра Дмитриевича Цюрупы.

— Он всего себя отдаст делу трудящихся, это бескорыстный, честный человек, страдал за народ и готов служить людям верой и правдой,— говорили, выдвигая его кандидатуру.

Шум поднялся невероятный, однако большевики потребовали:

— Голосовать! Подчинимся большинству!

Большинство высказалось за Цюрупу. И Александр Дмитриевич стал председателем городской думы.

Тогда поднялся с места лидер кадетской фракции граф Толстой и сказал с возмущением:

— Городской думе не подобает заседать под председательством большевика Цюрупы. Принадлежность председателя думы к этой организации — вызов всем государственным элементам общества. Я требую немедленно сместить всех большевиков с занимаемых постов!

Однако граф не получил поддержки. Сторонников Цюрупы оказалось преобладающее большинство.

В начале октября 1917 года вторая губернская конференция партии наметила кандидатами в члены Учредительного собрания товарищей В. И. Ленина и А. Д. Цюрупу. А 26 октября Советы Уфы взяли власть в свои руки и Цюрупа вошел в состав ревкома.

На одном из первых заседаний ревкома было решено послать старого большевика Тимофея Степановича Кривова в Питер к Ленину с докладом о положении дел на Южном Урале. Цюрупа же был приглашен прибыть 18 ноября в Москву для участия во Всероссийском продовольственном съезде.

— Вы должны быть на этом съезде,— сказал Кривов.— Буржуазия и поддерживающие ее кадеты, меньшевики и эсеры хотели бы голодом удушить ре-

волюцию. Надо сорвать их замыслы. Мы должны использовать все возможности.

Они выехали вместе.

Как и следовало ожидать, на продовольственном съезде ораторы дружно ругали большевиков, обвиняли их во всех трудностях, переживаемых страной. Цюрупа попросил слова.

— Все выступавшие единодушно высказались здесь против платформы «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов». Я должен заявить, что принадлежу к той группе, которая требует: «Вся власть Совету Народных Комиссаров!» Я утверждаю: если у нас денег нет, если хлеба нет, то виноваты не Советы, а те, кто сидел в царском министерстве продовольствия. А ведь сегодня они присутствуют здесь... Это они повинны, что прекратился подвоз хлеба в Петроград. Мы не позволим им уйти, не призвав к ответу. Вы не думайте, что сможете обмануть народ, сказав, что во всем виноваты большевики...

Шум и улюлюканье последовали в ответ на его слова.

Председатель продовольственного комитета Петрограда меньшевик Громан воскликнул:

— Большевики не долго удержатся у власти, услышим, что скажет Учредительное собрание, тогда поглядим...

— А тут глядеть нечего, не надейтесь на это, большевики пришли к власти навсегда,— спокойно ответил Цюрупа.

Народный комиссар

В Петрограде, в Белом зале Смольного, 26 октября в 10 часов 45 минут вечера начал работу II Всероссийский съезд Советов. Царило приподнятое настроение. Сообщение о взятии Зимнего дворца было встречено овацией. К полуночи на съезде появился Ленин. Он выступил с докладами о мире и земле.

Все было новым, необычным, запоминающимся навсегда. Впервые в истории формировалось истинно народное, рабоче-крестьянское правительство.

— Как назовем его членов? Министрами? Нет, лучше народными комиссарами, это будет понятнее простым людям,— говорил Владимир Ильич.

Народным комиссаром продовольствия был назначен товарищ Шлихтер. Стал вопрос о его заместителе.

— Есть у меня один человек на примете,— сказал Владимир Ильич.— Цюрупа Александр Дмитриевич. Убежденный революционер-большевик, еще искровой закалки. Скромный человек, не оратор, не писатель, но прекрасный организатор, практик, труженик... Пока многие наши товарищи на местах после февраля митинговали и дискутировали, он там, в своей Уфе, копил хлеб для революции. И теперь двинул этот накопленный хлеб к нам сюда. С этим хлебом мы одолеем Керенского!

Узнав от Кривова, что Цюрупа в Москве, Ленин предложил немедленно вызвать его в Питер. И вот Цюрупа в Питере. Он вошел в приемную Ильича — большую комнату, разгороженную двумя деревянными

ми диванами на две неравные части. Александр Дмитриевич снял бекешу и папаху, постучал в дверь.

— Да, да, войдите,— услышал голос Владимира Ильича.

Ленин поднялся ему навстречу.

— Очень ждем вас. Как Мария Петровна, дети? Живы-здоровы? Очень хорошо. Мы вызвали вас потому, что хотим назначить товарищем народного комиссара продовольствия.

— Владимир Ильич, я никогда не занимал государственных постов,— возразил Цюрупа.

— Я ведь тоже не занимал,— ответил Ленин.— Кстати, вот у меня на столе телеграмма с просьбой помочь в продвижении эшелона с тридцатью тысячами пудов зерна из Уфы. Ведь вы отправляли телеграмму.

— Я...

— Я так и понял. И еще будут эшелоны из Уфы? Будут. Это хорошо. Кто организовал их? Вы с вашими земляками. Так вот, займитесь этим делом во всероссийском масштабе. Это сейчас крайне необходимо.

Решили, что Цюрупа еще раз съездит в Уфу, откуда отправит еще несколько эшелонов зерна. Там он задержался дольше, чем предполагал,— из-за болезни, но и больной, выполнял обещание, данное Ильичу.

Спустя два месяца Цюрупа был утвержден народным комиссаром продовольствия.

...Товарный эшелон из тридцати вагонов, набитых зерном — в каждом по тысяче пудов, стоял на втором, запасном пути степного разъезда где-то между Уфой и Бугульмой.

Хлеб везли голодающему Петрограду, поезд от-

правили сквозным маршрутом. Было у железнодорожников и несколько винтовок: в свободное от работы время они несли охранную службу.

— Как нас провожали! — сказал пожилой чернорусый машинист. — С речами, знаменами, с музыкой. А мы в пути вторую неделю. Этак зерно попреет.

Машинист был уважаемым человеком, большевиком, именно его отправили в этот почетный рейс, и в пути вся бригада называла его комиссаром. В Уфе каждому члену бригады крепко пожал руку Александр Дмитриевич Цюрупа. Речь его была короткой:

— Вы первые из уфимцев сопровождаете сквозной маршрут такого дальнего следования. В условиях теперешней разрухи это нелегко. Помните, товарищи, революционный Петроград ждет нашей помощи. Надеемся, что вы с честью выполните это важное поручение... На днях я сам поеду в Питер, надеюсь, вы меня опередите...

В пути много было хлопот. У самого разъезда, недалеко от Бугульмы, в одном из вагонов заклинилась колесная пара, поползла по рельсам, с трудом сменили ее на ближайшей станции. Зерновой маршрут двинулся дальше на запад. Он пробивался сквозь дожди и метели, по несколько дней простаивал на тех станциях, где сильно еще было влияние меньшевиков и эсеров. И шли, обгоняя его, правительственные телеграммы, содержащие требование немедленно, во что бы то ни стало, вне всякой очереди продвигать зерновые маршруты.

Именно в те дни В. И. Ленин послал телеграмму уполномоченным ЦК на Украину: «Ради бога, принимайте самые энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба!!! Иначе Питер может околеть».

Когда же он узнал, что из Уфы идет маршрут с

зерном, приказал проследить за его продвижением, ускорить доставку хлеба в Петроград и Москву.

Остановки были долгими. После Бугульмы ехать предстояло через Симбирск, Инзу, Рязань, Москву, Бологое, а тут еще непогода.

Но поезд шел и шел, изгибаясь на кривых путях...

А Цюрупа в то время был уже наркомом продовольствия. Он лично следил за продвижением этого и других маршрутов. Бригаду в Петрограде встретили с музыкой, речами. Сам нарком приехал на станцию.

— Я отправлял вас, я и встречаю,— заметил он.— Нам бы в наркомат знающего железнодорожника. Пойдете к нам? — спросил он машиниста.

Тот поежился:

— Демой бы, соскучился.

— Ну, ну,— согласился Цюрупа. Он понимал машиниста. Ему самому хотелось на крыльях полететь к жене и детям, оставшимся в Уфе.

...Советская республика переживала невероятные трудности. Костлявая рука голода буквально хватала за горло. Холодно было на улицах, не теплее и в домах. Советское правительство во главе с Лениным прилагало героические усилия, чтобы наладить в первую очередь транспорт, заготовить и привезти в центральные районы хоть сколько-нибудь хлеба, топлива, накормить и обогреть рабочих, пустить стоявшие заводы и фабрики.

У магазинов на кварталы растянулись живые хвосты очередей. С ночи, подтанцовывая от холода, забегая на несколько минут в ближайшие подъезды обогреться, дежурили в очередях старики, женщины, дети, надеясь получить хоть по полфунта хлеба.

А хлеб был похож на глину — в нем больше при-

месей, чем муки. Но хорошо еще, если и такой будут выдавать сегодня! А то выйдет человек из магазина, скажет:

— Сегодня хлеба не будет, не привезли.

— Когда же, когда привезут?

Тот только пожмет плечами...

«Да, трудно в разрухе, которую получила в наследство от старого режима Советская власть, наладить снабжение населения,— думал Александр Цюрупа,— идут один за другим зерновые маршруты, да когда они придут?» У спекулянтов, мешочников за баснословную цену можно еще купить буханку на Сухаревском рынке в Москве, на миллионке в Питере, но где трудовому человеку взять столько денег?

Цюрупа шел в Аничков дворец, где после революции разместились чиновники бывшего министерства продовольствия.

— Кого надо? — загородил дверь важный швейцар. — Сегодня день неприсутственный.

— Разве во дворце никого нет? — спросил Цюрупа.

— Есть-то есть. Да никого пускать не велено. А вы кто будете? — задал он вопрос посетителю.

— Я от Советского правительства, народный комиссар продовольствия. Показывайте, куда идти.

— Пожалуйста, проведу.

Они пошли по пустым и холодным коридорам. Цюрупа остановился у открытых дверей довольно большого зала с высоким потолком, никем не замеченный, стал слушать. В креслах сидело много чиновников. Выступал уже знакомый по Московскому совещанию Громан. Да, именно он верховодил в Москве на продовольственном съезде в середине ноября 1917 года, всеми силами старался очернить большевиков. Он и теперь выкрикивал:

— Мы переживаем последние трагические часы власти большевиков! На путях Николаевской железной дороги стоит вагон для большевистских лидеров, готовящихся сбежать. Псков и Ревель не отвечают на телефонные вызовы, там уже немцы. Через несколько дней они будут здесь. Посольства спешат покинуть Петроград. Всюду идет гражданская война, борьба за власть. Кто поддерживает Ленина? Кучка! По крайней мере в этом зале я не вижу ни одного сторонника большевистского направления. Думаю, все подтвердят это.

— Напрасно вы на это рассчитываете,— громко сказал Цюрупа, и все повернулись в его сторону.

Громан осекся. Он тоже узнал Цюрупу. Но все же с вызовом спросил:

— Кто вы такой? С кем имеем честь?

— Я народный комиссар продовольствия,— представился Цюрупа.

Последовало секундное замешательство, затем, как и в ноябре минувшего года, из зала завопили:

— Насильники! Убийцы! Немецкие шпионы! Долой Совет депутатов! Да здравствует Учредительное собрание!

Цюрупа стоял перед безумствующими, беснующимися чиновниками. Казалось, сейчас разорвут его на части, растопчут. Но он был спокоен. Нет, не осмелятся тронуть народного комиссара.

Он заметил, что бесновались далеко не все. Вон хотя бы тот, молоденький, с бородой. Молчали и те, кто был рядом с ним. Присматривались.

Цюрупа пришел в министерство один. Вскоре подошли будущие члены коллегии наркомпрода. Первый и постоянный заместитель, коренастый, плотный, в защитном френче, с наганом в кобуре, Николай Павлович Брюханов. Высокий и стройный Мирон Кон-

стантинович Владимиров, уфимский товарищ Цюрупы Алексей Иванович Свидерский, прапорщик Петр Кузько. Последним зашел жгучий брюнет, Дмитрий Мануильский, большевик с большим подпольным стажем. Не было среди пришедших Шлихтера и Якубова, которые тоже входили в коллегию наркомпрода: в данный момент они были в отъезде.

Чиновники попритихли.

— Перейдем к текущим делам,— начал Цюрупа.— Народу нужен хлеб.

— Крестьяне большевикам хлеба не дадут! — выкрикнул Громан.

Цюрупа возразил:

— А вот в одном уезде Уфимской губернии собрали мы бедноту, роздали помещичьи земли и скот, и представьте — подвоз хлеба сразу увеличился. Не везет хлеб сельская буржуазия, и мы объявим ей бой.

— Не успеете! Ваши дни сочтены, товарищи большевики! — сказал Громан.

— Это мы еще поглядим. А вот эшелоны с хлебом из Уфимской губернии идут, сам отправлял.

— И больше ниоткуда,— съязвил Громан.— Мы не будем бороться, мы соблюдаем нейтралитет.

Он направился к дверям, воскликнул:

— Кто соблюдает нейтралитет — за мной!

Чиновники стали уходить. Члены коллегии их не задерживали, провожали молчаливыми взглядами.

Но человек пятьдесят не покинули зал. Они сгруппировались вокруг замеченного ранее Цюрупой бордатога чиновника с живыми, молодыми глазами. Тот понял, что новый нарком ждет его слова, произнес:

— Мы, социалистическая часть комитета служащих, согласны с вами работать.

— Вот и прекрасно. Как ваша фамилия? — спросил Цюрупа.

— Шмидт, Отто Юльевич,— представился бородач.— Я эсдек, интернационалист и с Громаном не согласен.

— Тогда пойдёмте, ознакомите нас с положением дел.

Отто Юльевич провел членов коллегии в кабинет министра. Собственно, здесь уже побывали два наркома, Теодорович и Шлихтер, Цюрупа был третьим. Теодорович вышел из правительства, Шлихтеру поручили дела в других губерниях, в тех, где складывалась особенно тяжелая обстановка. Шмидт рассказывал обо всем, что знал, активно помогал Цюрупе. Цюрупа сразу решил ввести его в состав коллегии. Они вели разговор о наличных ресурсах.

— Невелики ресурсы,— заметил Брюханов.— Придется основательно поработать. Нужна монополия... Твердые цены... Товары...

— Может, начнем с аппарата? — спросил Свидерский.— С кем работать будем?

— Конечно, с аппарата. Я уже думал, как его наладить,— отозвался Цюрупа.— Нужен строгий централизм всей продовольственной системы, четкая структура, гласность и отчетность, военная дисциплина.

...Вскоре в Наркомат продовольствия явились и многие из тех служащих, что кричали в зале бранные слова против большевиков. Цюрупа разговаривал с каждым, Отто Юльевич Шмидт помогал ему разобраться в людях. Пришел и Громан с предложением своих услуг. Цюрупа потребовал от Громана подробнейшей информации о хлебных запасах.

Недолго работал комиссариат продовольствия в Аничковом дворце. На следующий день после прихода сюда Александра Дмитриевича, 26 февраля 1918 года, Совет Народных Комиссаров на закрытом заседании

постановил «перевести столицу Советской России из Петрограда в Москву. Для этого осуществить переезд всех центральных правительственных учреждений».

...Страна голодала, но чувство интернационализма было настолько велико у советских людей, что, когда в Финляндии вспыхнула революция, Советская Россия ни минуты не колебалась в вопросе: оказывать или нет ей помощь.

В Питер, к Ленину, приехали финны, его старые друзья по подполью, делегацию возглавил коммунист Адольф Тайми.

— Голодаем, Владимир Ильич, нам бы хлеба...

Тогда в эфир полетела телеграмма, удивившая весь мир:

«Всем, всем, всем. Сегодня... петроградские рабочие дают десять вагонов продовольствия на помощь Финляндии». И это во время голода в России! Кроме того, Ленин сказал Тайми, что хлеб есть в глубине страны, немало его в Сибири, а везти не на чем. Транспорт разрушен, нет паровозов.

— Вы, финны, имеете все: и свои паровозы, и свои вагоны. А что бы вам самим послать поезда в Сибирь! У вас есть бумага, папиросы, кажется, хороший текстиль, сельскохозяйственные машины — пошлите их в обмен крестьянам-сибирякам и везите оттуда хлеб!

Финны поддержали эту идею. Они успели отправить в Россию четыре сквозных маршрута. Комиссаром первого был Яков Рахья, брат Эйно Рахья, который в июльские дни 1917 года охранял Ленина и сопровождал его в Смольный в октябрьскую ночь. Яков Рахья получил мандат:

«Народный комиссариат путей сообщения... Сие выдано главному уполномоченному железных дорог

Финляндской республики по отделу тяги тов. Я. Рахья в том, что на него возложено финляндской революционной рабочей и крестьянской властью приобретение в пределах Российских республик продовольствия для нужд голодающих рабочих и крестьян Финляндии, а потому предлагается всем главным, районным и местным комитетам, железнодорожным организациям и отдельным лицам, до коих это будет касаться, оказывать полное и реальное содействие тов. Рахья к возможно успешному осуществлению возложенной на него задачи. Народный комиссар путей сообщения Невский...»

Ленин прочел эту бумагу и собственноручно написал:

«С своей стороны прошу оказать всяческое и всемерное содействие товарищу Якову Рахья и его отряду. В. Ульянов (Ленин)».

В Хельсинки успел вернуться лишь первый поезд. Это был всенародный праздник. Вернулся он из Омска 30 марта 1918 года. Встретить его на станцию Рахимяки выехали все члены революционного правительства Суоми. На каждой станции до Хельсинки толпы народа приветствовали поезд, украшенный красными флагами. Несмотря на сильный дождь, сотни людей ждали поезд на вокзале и встретили его пением «Марсельезы». В результате хлебный паек (в пересчете на муку) был увеличен со ста до ста шестидесяти граммов в день.

Второй поезд дошел до Выборга, третий остался в Петрограде — к этому времени революция в Финляндии была жестоко подавлена буржуазией. Четвертый поезд пришел в Сибирь уже в разгар контрреволюционного восстания и попал в руки колчаковцев, которые отобрали у железнодорожников-финнов вагоны и паровоз.

После подавления революции в Финляндии тысячам красногвардейцев-финнов удалось уйти в Советскую Россию, где они присоединились к Красной Армии. Остался с большевиками и Адольф Тайми. Он был главным комиссаром семи маршрутных поездов за хлебом. Их составили в паровозном депо Петроград-Финляндский и отправили в Поволжье, Сибирь, на Украину. Штаб-квартира Тайми была в Мелекесе, к элеваторам которого стекался хлеб из Заволжья.

Александр Дмитриевич Цюрупа с особой любовью вспоминал потом молодого, девятнадцатилетнего, силача — машиниста Вольдемара Матвеевича Виролайнена. Вольдемар разыскал на паровозном кладбище «старика» — паровоз 293-й, на котором дрова в топку подбрасывал Владимир Ильич, отремонтировал эту машину, год работал на ней, возил с бригадой хлеб по распоряжению наркомпрода. Из депо бригада была отчислена, у наркомпрода в штатах она тоже не значилась, члены бригады не получали зарплаты. Но они не думали о ней, довольствуясь только красноармейским пайком...

...Виролайнен впоследствии окончил Академию железнодорожного транспорта, осваивал Турксиб, в дни Великой Отечественной войны служил на Кировской дороге и в феврале 1943 года привел в Ленинград первый после блокады поезд с продовольствием...

Битва за хлеб

Накинув бекешу на плечи, Александр Дмитриевич напряженно работал в своем холодном кабинете. Он выполнял срочное задание Ленина — писал проект обращения к народу.

Шел апрель восемнадцатого года. Еще не исчезли снежные сугробы, но их уже подтачивали говорливые ручейки. Настроение наркома было далеко не весеннее — он думал о насущном хлебе, о надвинувшемся на страну голоде, который к весне еще больше усилился.

Хлеб держали в закромах два миллиона кулаков России. Цюрупе сообщили, что в одной Алтайской губернии кулаки пережгли на самогон пятнадцать миллионов пудов зерна. Не лучше было и в других местах. Мешочники вывезли из Курской губернии пять миллионов пудов зерна. Распоясались спекулянты, мародеры.

Ленин писал: «...на почве голода вспыхивают, с одной стороны, восстания и бунты измученных голодом людей, а с другой — бежит огоньком с одного конца России на другой полоса контрреволюционных восстаний, заведомо питаемых и денежками англо-французских империалистов, и усилиями правых эсеров и меньшевиков...»

Со всех сторон слышалось: «Хлеба! Давайте хлеба!» И обращение к народу Александр Дмитриевич писал о хлебе. Взглянув на часы, он торопливо сунул бумаги в портфель, зашагал к двери.

— Я в Совнарком,— коротко сказал он секретарю.

Совнарком заседал в большой, с цветными обоями комнате. Под высоким потолком висела богатая люстра, но свет излучали одна яркая лампа под ней и две боковые, менее яркие, в плафонах: электричество надо было беречь. Эту комнату хорошо знал Цюрупа. На письменном столе Владимира Ильича ничего лишнего: простой чернильный прибор с пресс-папье, подсвечник с запасной свечой, только те бумаги, которые в данный момент нужны. За спиной Ленина, по бокам обитой двери с тяжелой портьерой, два широких шкафа, до отказа набитых книгами. Над одним из них табличка: «Курить строго воспрещается». На стене по левую руку Ильича — географические карты, у которых не раз простаивали Ленин, Свердлов, Цюрупа, обсуждая, как идут эшелоны с хлебом или горючим, решая сложнейшую задачу продвижения их сквозь огонь кулацких восстаний.

К столу Ленина примыкал другой — длинный и широкий, накрытый скатертью с бахромой, за ним сегодня сидели члены Совнаркома и приглашенные на заседание — их было человек шестьдесят.

— Александр Дмитриевич, приготовили? — спросил Ильич.

Цюрупа вынул из портфеля бумаги.

— Написал, как сумел, поправите, если что...

— Читайте, читайте.— Ленин взглянул на лежащие на столе часы.— Десять минут хватит?

Цюрупа кивнул и начал:

— «Война, вызванная борьбой между капиталистами из-за дележа их грабительской добычи, привела к неслыханной разрухе. Преступная спекуляция и погоня за наживой, особенно в среде богатых классов, обострила еще более эту разруху, довела до мучений голода и безработицы сотни тысяч и миллио-

ны людей. Необходимость чрезвычайных мер для помощи голодным и для беспощадной борьбы с спекулянтами побуждает Рабочее и Крестьянское правительство установить, как закон Российской Республики, следующие правила...»

Присутствующие слушали Цюрупу с большим вниманием. Цюрупа предлагал текст обращения к гражданам России. Ленин вслушивался в его слова, будто взвешивая каждую фразу. Да, здесь все необходимо. В обращении обстоятельно и подробно излагается положение дел в стране. Партии нечего скрывать от народа, она просит трудящихся помочь в борьбе с голодом — этим злейшим врагом Советской власти...

Цюрупа перечислял конкретные меры, о которых он предварительно советовался с Лениным:

«Надо ввести в стране продовольственную диктатуру».

«Организовать продовольственные отряды. Без помощи рабочих компрод есть нуль».

«Найти новую форму организации крестьянских масс, главным образом бедняков. Они разыщут кулацкий хлеб, помогут его вывезти, затем объединятся в товарищества по совместной обработке земли».

Цюрупа сказал:

— Прошу дать чрезвычайные полномочия наркомпроду. Прошу решительно отстранить всех, кто мешает, кто не хочет работать.

Участники заседания насторожились: о каких мерах говорит Александр Дмитриевич? Кто и что мешает? Пусть объяснит.

— Многим не нравится хлебная монополия,— продолжал Цюрупа.— Однако у нас нет другого выхода. Московские продовольственные органы помимо нас засылают своих агентов в губернии для заку-

пки хлеба по завышенным ценам, и это губит дело. Я знаю: мне будут возражать московские руководители, они настойчиво атакуют не только меня, но и Совнарком. Товарищи Рыков и Каменев требуют сместить наркомпрода, а иные даже советуют предать меня суду: я, дескать, не даю москвичам хлеба. Дело нужно делать централизованно, прекратить хаос.

— Раз сами не справляетесь, почему другим не даете заготавливать хлеб? Можно заплатить и дорожке, если голод,— посыпались реплики.

Но Ленин сказал:

— Все это необоснованные обвинения. Продолжайте, Александр Дмитриевич. Если предавать суду вас, то заодно надо и нас, ЦК. Ведь мы делаем одно общее дело. Я считаю, что следует вынести специальное постановление: «Совет Народных Комиссаров утверждает политику комиссариата продовольствия как политику Совета Народных Комиссаров». Кто за, прошу голосовать. Большинство.

Быстрое и решительное заступничество Ленина приободрило Цюрупу. Он продолжал:

— Мы победим лишь в том случае, если создадим дисциплинированный и всеобъемлющий продовольственный аппарат. Цены на хлеб поднимать нельзя. Если поднять — крестьяне хлеб не повезут, а, как при Керенском, будут ждать дальнейшего повышения цен. Вятский подкомитет поднял цены в два с половиной раза и остался без хлеба. В Харькове Центральная рада отменила хлебную монополию, и теперь там пуд хлеба стоит четыреста рублей... Я подготовил декрет о монополии хлебной торговли. В нем предусматривается другая мера борьбы с саботажем кулаков: в случае обнаружения у кулака хлеба, не заявленного к сдаче, половину стоимости следует

выплатить тому, кто указал на сокрытые излишки...

— Это уж слишком! — возразил Рыков. — Такой декрет издавать нельзя!

— Почему нельзя? — вмешался Ленин. — Надо еще внести в декрет положение о том, что трудящиеся, неимущие и не имеющие излишков крестьяне должны объединиться для беспощадной борьбы с кулаками.

— Считаю, что необходимо дать чрезвычайные полномочия наркомпроду, — продолжал Ленин. — Вы, Александр Дмитриевич, должны стать хлебным диктатором. Подготовьте, пожалуйста, соответствующее постановление, — заключил Ильич.

Проект декрета о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию обсуждался в Совнаркоме 8 мая 1918 года. Ленин сделал по проекту ряд замечаний. Левые эсеры, входившие в правительство, протестовали против проекта, Рыков также был категорически против. Создали комиссию для доработки документа, сроку дали одни сутки. 9 мая на Совнаркоме вновь выступил Рыков. Он был против чрезвычайных мер и вообще против хлебной монополии. Однако Совнарком утвердил декрет, представленный Цюрупой с поправками Ленина.

Как и предсказывал Владимир Ильич, настоящий бой по вопросу о продовольственной диктатуре разгорелся в Центральном Исполнительном Комитете. Против Цюрупы рьяно выступали правые эсеры. Левые помалкивали, колебались. Меньшевики же — Мартов и Дан открыто смеялись над Цюрупой, бросали язвительные реплики, предсказывали полный провал всей продовольственной политики. От имени большевиков выступил Шлихтер. Горячо поддержал Цюрупу Председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов. Большевики победили при голосовании.

Декрет о продовольственной диктатуре был принят. Он гласил:

«Гибельный процесс развала продовольственного дела страны, тяжкое наследие четырехлетней войны, продолжает все более расширяться и обостряться. В то время, как потребляющие губернии голодают, в производящих губерниях в настоящий момент имеются по-прежнему большие запасы даже не обмолоченного еще хлеба урожаев 1916 и 1917 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках деревенской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеба к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению цен и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам-мешочникам.

Этому упорству жадных деревенских кулаков-богатеев должен быть положен конец... На насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией...»

Правительство призвало трудящихся беспощадно бороться с кулаками. Предъявлять к сдаче весь избыток хлеба, сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления.

Нарком продовольствия получил право издавать постановления по продовольственному делу, носящие обязательный характер, отменять ошибочные постановления местных органов, применять в случае надобности вооруженную силу, увольнять, смещать, предавать революционному суду, подвергать аресту лиц, мешающих делу. Это было началом похода против кулака, за хлеб. Огромная ответственность была

возложена на плечи народного комиссара продовольствия А. Д. Цюрупы.

Ленин внимательно следил за претворением декрета в жизнь, заботился о разъяснении его населению. 28 мая на заседании Совнаркома он вновь обратился к Цюрупе:

— Завтра к шести часам вечера представьте проект обращения к населению, положив в основу: 1. Катастрофическое положение страны в отношении продовольствия. 2. Обеспечение фабрично-заводских и железнодорожных рабочих и рабочих водного транспорта хлебным пайком в 4 раза большим против нормы. 3. Точнее, яснее, популярнее объясните невозможность самостоятельных заготовок, необходимость централизации в деле продовольствия. 4. Полнее использовать транспорт, централизовать его. 5. Создать массовые силы из отборных людей, которые при помощи военной силы осуществят хлебную монополию.

Вскоре появилось еще одно воззвание к народу. Оно требовало:

«Ни шагу в сторону от хлебной монополии! Ни малейшего увеличения твердых цен на хлеб! Никаких самостоятельных заготовок! Все выдержанное и дисциплинированное и сознательное в единый организованный продовольственный строй!»

Совнарком постановил объединить силы всех продовольственных организаций для борьбы с голодом. В обращении говорилось, что отказ от такого соединения сил означал бы отказ поддержать Советскую власть, отказ помочь общерабочей и общекрестьянской борьбе с голодом. Только в соединении сил спасение от голода. «Никаких сепаратных

действий! Полный революционный порядок в стране! Война кулакам! Сим и только сим, товарищи рабочие и голодающие крестьяне, вы победите голод и пойдете к другим победам по пути к социализму. Все другие пути ведут к усилению голода и гибели Революции».

На одном из следующих заседаний Совнаркома Цюрупа докладывал:

— Все же некоторые железнодорожные организации, водники, рабочие металлургических заводов продолжают самостоятельно посылать своих представителей за хлебом.

И вновь было заявлено, что отдельные самостоятельные заготовки—гибель всего продовольственного дела, гибель революции.

Конечно, спекулянты всячески старались обходить законы. Иногда нарушали их и трудящиеся.

Выксунские рабочие, например, телеграфировали Ленину, что они, вконец изголодавшись, едут на пароходах со своим отрядом и пулеметами добывать хлеб силой.

Было решено не мешать выксунцам, но направить их усилия в организованное русло. Ленин ответил на телеграмму:

«Я очень надеюсь, что выксунские товарищи рабочие свой превосходный план массового движения с пулеметами за хлебом осуществят как истинные революционеры, то есть дав в отряд отборных людей, надежных, неграбителей и для действия по нарядам в полном согласии с Цюрупой, для общего дела спасения от голода всех голодных, а не только для себя».

Именно такими представлял себе Ленин продовольственные отряды, которые зародились в восемнадцатом году.

Тонкой ниточкой на карте России пролегла линия железной дороги Царицын — Москва. По ней должны были идти эшелоны с хлебом — эшелоны жизни. Путь через Царицын был единственной дорогой, связывающей центр с Донбассом, Кубанью. Царицын был ключом к богатствам юго-востока — к хлебу, мясу, рыбе, нефти. Там действовал энергичный организатор снабжения товарищ Якубов. Его вызвали на коллегию наркомпрода в Москву, он рассказал:

— Мы бы дали немало хлеба, так ведь нет порядка ни в городе, ни на железной дороге. Пути часто перерезают банды. Приходится бороться с анархистами, которые понаехали в Царицын после взятия Ростова белыми. Ограбив ростовские банки и магазины, анархисты нацеливаются на царицынские. Дело доходит до артиллерийских перестрелок...

Цюрупа командировал в Царицын членов коллегии наркомпрода Шлихтера, Шмидта, Свидерского, они подтвердили слова Якубова и добавили:

— В Нижнем Поволжье есть тысячи преданных нам людей, есть заготовительный аппарат, но нет твердых цен, их отменили местные Советы, потому процветает спекуляция. На маленьких станциях вокруг Царицына по заводам и депо скопилось много паровозов, можно пустить на Москву до десятка маршрутных поездов в сутки. Если хорошо поработать месяц, мы додержимся до нового урожая.

Александр Дмитриевич предложил использовать для борьбы за хлеб и армию. С этим он пришел на очередное заседание Совнаркома.

Ленин, как обычно, председательствовал. Цюрупа присел к столу, написал записку: «Владимир Ильич! Как решен вопрос об использовании армии для борьбы для взятия хлеба? И если он решен утвердительно, то как это дело будет оформлено — в поряд-

ке ли соглашения с комиссариатом военным или в порядке издания декрета».

Ленин пробежал глазами записку, дважды подчеркнул слова: «...в порядке ли соглашения с комиссариатом военным», написал на обороте: «Именно в таком порядке...»

Цюрупа удовлетворенно кивнул и передал Ленину новую записку: «Сталин согласен ехать на Северный Кавказ. Посылайте его. Он знает местные условия...»

Ленин ответил: «Я согласен вполне...»

Прибыв на место, Сталин сообщил Ленину, что действительно поезда с продовольственными грузами стоят на станциях без движения из-за разгильдяйства служащих. Ленин ответил немедленно: «Принимаем все меры... Шлите маршрутные поезда с тройной охраной. Саботажников и хулиганов арестуйте и присылайте сюда. Предсовнаркома Ленин».

Белогвардейские банды были главной опасностью, подстерегавшей заготовителей в пути. Генерал Краснов стал одним из главарей белого воинства на юге. Не имея сил овладеть Царицыном, Краснов решил пока что перерезать железнодорожную линию, связывающую Царицын с центром, захватить для этого небольшую станцию Алексиково. Конные казачьи части генерала Краснова стали тайно продвигаться к указанному пункту.

Между тем и с Восточного фронта шли безрадостные вести. 7 июня обманутый контрреволюционерами восставший чехословацкий корпус занял Омск, 8-го — Самару. Цюрупа понимал, что создалась угроза отрезать Царицын. Нужно было спешить. Он снарядил группу организаторов, которые, добравшись до Царицына, горячо принялись за дело, к 13 июня

подготовили к отправке из Царицына полмиллиона пудов хлеба, полторы тысячи голов скота.

Спешили не напрасно. В ночь на 13 июня белоказаки Краснова и Мамонтова захватили станции Кривая Музга и Алексиково.

Оправившись после внезапного удара, красноармейцы предприняли контратаку. Завязались ожесточенные бои, которые продолжались двое суток без перерыва. Красная Армия дралась за хлеб, за жизнь Страны Советов. У беляков были отбиты Кривая Музга, Алексиково, занято Урюпино. Железнодорожное сообщение было восстановлено, и тотчас несколько эшелонов с хлебом прорвались в Москву.

Подоспевшие казачьи части потеснили красных, перерезали путь. Тронувшийся было поток эшелонов с хлебом и скотом застрял у Царицына. Такое положение было нетерпимо.

Ленин вызвал Цюрупу, других членов правительства. Они долго совещались у карты России. Что же делать? Отбить у беляков всю линию Царицын — Поворино и охранять ее солидными силами. Эта стратегическая задача ясна. Но пока... Взор Ильича все чаще обращался к Волге, этой главной водной артерии страны.

— Вот и я прикидываю,— сказал Цюрупа.— Что, если направить грузы водой, вверх по Волге? Саратов — большой порт, должен справиться с таким делом...

Работа над осуществлением этого плана началась немедленно. Верные люди были посланы в приволжские города, выяснялось наличие барж, пароходов, готовились паровозы, вагоны. Цюрупа сутками не выходил из наркомата. Волжским вариантом доставки продовольствия были заняты все члены коллегии наркомпрода. В Москве, Царицыне, Саратове...

Наконец Александр Дмитриевич доложил Владимиру Ильичу:

— По Волге идет караван с продовольствием!

— Отлично! — обрадовался Ильич. — Волга-матушка не раз еще выручит Россию. Теперь надо следить и следить, чтобы в пути ничего не случилось.

Волга ожила. В портах Царицына, Саратова шла погрузка. Задымили пароходы, буксиры потянули пузатые баржи.

А через несколько дней пришла еще одна радостная телеграмма: красные войска, в составе которых к тому времени появились первые конные соединения, прочно овладели станцией Алексиково.

Это еще не было полной победой. Белые наступали. Они захватили город Тамбов. Буквально обложили дорогу на Москву, пытаясь сорвать планы снабжения центрального района страны. Для защиты железной дороги были посланы все ближайшие заградительные отряды. Эшелоны, как того требовал Ильич, сопровождала усиленная, тройная охрана. Нередко завязывались бои, немало красных бойцов пало в этой битве за хлеб, без которого нельзя было спасти революцию.

21 июня 1918 года в газете «Беднота» была опубликована речь Владимира Ильича Ленина о продовольственных отрядах, произнесенная накануне.

«Из моих объездов по московским рабочим кварталам я вынес твердое убеждение, что все рабочие массы проникнулись мыслью о необходимости создания продовольственных отрядов... Продовольственный вопрос — самый больной вопрос нашей революции. Все без исключения рабочие должны понять, что борьба за хлеб — это их дело».

Ленин предупреждал: нужно строго следить за тем, чтобы к продотрядам не могли пристать хулиганы и жулики. Он предлагал привлекать к походу за хлебом и беспартийных, если известно, что это вполне честные и порядочные люди. Обещал, что Совнарком окажет самую широкую помощь продотрядам деньгами, мануфактурой, оружием.

Продовольственные отряды были призваны помочь партии выполнить трудную задачу борьбы с голодом. Питерский пролетариат не раз спасал революцию. К нему и на этот раз обратились вождь революции Ленин и нарком продовольствия Цюрупа. 21 мая 1918 года, за месяц до указанного выступления Ленина, они писали рабочим молодой Страны Советов:

«...Надо бороться за хлеб! И мы призываем вас к этой борьбе. Записывайтесь в ряды продовольственных отрядов, организуемых Комиссариатом продовольствия! Оружие и необходимые средства будут даны вам. Иных мер против протягивающейся костлявой руки голода, которые дали бы немедленно положительные результаты, нет... Немедленно открывайте беспощадную борьбу с кулаками, мародерами, спекулянтами и дезорганизаторами за хлеб!»

Из Москвы было послано питерским рабочим специальное письмо о голоде. Питерцы сразу откликнулись на призыв. Уже через десять дней в деревни ряда губерний отправились первые продовольственные отряды — первые пятьсот человек.

А в Москве Александр Дмитриевич Цюрупа лично отбирал в продовольственные отряды самых преданных людей, главным образом рабочих. Отменные кадры продбойцов посылались организациями Ленинского союза молодежи.

...В военно-продовольственном бюро на Кузнецком мосту собрались будущие продармейцы. Прибывший к ним нарком продовольствия, оглядев молодые, почти детские, задорные лица, колебался:

— Товарищи, да ведь каждому из вас не больше шестнадцати лет! Знают ли ваши родители о том, что вы едете с продотрядами?

— Знают! — хором ответили бойцы.

— И матери не против?

— Не-ет! — раздался дружный ответ.

— Голод не тетка, — солидно пробасил кто-то.

Цюрупа покачал головой. Ой ли? Наверное, многие просто сбежали из дому. Можно ли на них положиться? Не рано ли начинают они свой революционный путь?

— Где ваш отец? — наугад спросил он паренька.

— На фронте, товарищ нарком, — гордо ответил паренек.

Ну да, конечно, их отцы на фронтах, а может быть, некоторые уже погибли. И теперь они, единственные кормильцы в семьях, едут за хлебом... Что делать? Распустить по домам? А кто же будет заготавливать хлеб? А разве сам он, Саша Цюрупа, в свои шестнадцать лет не начинал революционную деятельность с опасностью для жизни? А на много ли старше один из его сыновей, Митя, который сражается в рядах Красной Армии?

— Ну, раз отцы и матери благословляют вас на борьбу за хлеб, благословляю и я, — сказал со вздохом Цюрупа. — Помните, что вы едете в опасные районы, где хозяйничают кулаки, бандиты батьки Махно. Будьте осторожны. Основной ваш помощник — беднота, не обижайте и середняка — только так вы сможете получить хлеб.

Тут Цюрупа вспомнил об одном печальном сооб-

щении, недавно поступившем в наркомат. Где-то в хлебном уезде активно работал продармеец Николай Захаров. Немало подвод с зерном он отправил на сыпной пункт. Белобандиты подстерегли Николая и зверски расправились с ним — изрубили на куски и присыпали зерном: на, мол, ешь, комиссарик!

Сказать ребятам или нет, не пугать их? Все же следует предостеречь их.

— Не скрою, одного такого семнадцатилетнего паренька, Николая Захарова, белобандиты зарубили, так что держите оружие наготове... Может, кто передумал ехать? Еще не поздно, мы в обиде не будем.— Цюрупа испытующе посмотрел на ребят.

— Едем! Все едем! — закричали бойцы. — Отомстим кулакам за продбойца Николая Захарова!

— Ну хорошо. Помните слова Ленина: продовольствие — задача номер один. Получайте мандаты...

«Аршинные мандаты» — так продбойцы называли удостоверения, выдаваемые им за подписью Цюрупы. Они содержали целые инструкции, потому были такие длинные. Нарком продовольствия предлагал всем организациям и должностным лицам оказывать продбойцам всяческое содействие, грузить, перевозить продовольствие вне всякой очереди и т. д. и т. п.

Продотряды сыграли важную роль не только в борьбе за хлеб, но и в укреплении Советской власти в деревне. Они вывозили хлеб, отвоевывали его, сражаясь с бандами, строили мосты, улучшали дороги, помогали бедноте налаживать хозяйство. Продотрядовцы опирались на бедноту, на батраков, которые сами голодали и ненавидели кулаков-мироедов.

11 июня 1918 года был принят декрет об организации и снабжении деревенской бедноты.

Волостные и сельские комитеты бедноты, созданные при местных Советах, при участии продработни-

ков распределяли хлеб, промышленные товары, сельскохозяйственные орудия, содействовали продотрядам в изъятии хлебных излишков у богатеев. Комбеды просуществовали недолго, в дальнейшем слились с Советами. Они были чрезвычайной мерой в тот период, боевыми помощниками партии и правительства в борьбе за хлеб.

Не только заготовители хлеба ехали в деревни. Через некоторое время после собрания на Кузнецком мосту Цюрупа попросил фабзавкомы питерских и московских предприятий отобрать самых лучших мастеровых, способных наладить в деревне молотилку, пустить локомобиль. В помощь комбедам создавались специальные рабочие отряды, которые в деревнях могли бы ремонтировать плуги, бороны, грабли, веялки.

Однажды в зале наркомата собрались токари, кузнецы, слесари, клепальщики, даже сталевары — члены таких рабочих отрядов.

— Помните, что вы посланцы рабочего класса, — обратился к ним Цюрупа. — Обслуживайте деревню хорошо, и не только бедноту, средний крестьянин колеблется, он готов примкнуть к нам, поддержать нас. Чините и ему инвентарь, это очень важно. И конечно, не забывайте о заготовках хлеба. Действуйте с умом, без применения силы. Вот послушайте, что вам расскажет мастеровой человек, начальник рабочего отряда, член исполкома Моссовета Сергей Михайлович Бирюков.

Из-за стола поднялся плотный, черноволосый, пожилой рабочий, доложил:

— Поставили мы шестнадцать крытых токов, помогли крестьянам обмолотиться, запустили общественную мельницу, крупорушку, перековали всех лошадей в округе, починили телеги, плуги...

— И даже оркестр создали,— подсказал Цюрупа.

— Ну да, была и музыка,— оживился Бирюков.— Небольшой, конечно, оркестр — две трубы, барабан и скрипка... Однако играли. Кто, значит, не хотел сдавать излишки хлеба по твердым ценам, тому играли похоронный марш. А кто сдавал хлеб — встречали «Интернационалом». А что? Очень даже помогало, мужики боялись похоронного марша...

Цюрупа рассказал потом об этом Ленину. Владимир Ильич от души посмеялся...

Почин питерцев быстро подхватили рабочие других городов. А правительство декретировало право рабочих организаций создавать продотряды, с тем чтобы половина заготовленного ими хлеба шла на удовлетворение своих потребностей, а половина — в распоряжение компрода для всех голодающих рабочих и беднейшего крестьянства.

Совнарком разрешил рабочим и крестьянам голодающих мест формировать маршрутные поезда, но при этом им должно быть выдано обязательное удостоверение от местных органов, послан контролер и комиссар от компрода, и они должны выполнить условие, что часть заготовленного хлеба нужно отдавать комиссариату продовольствия.

Организовывались уборочные и уборочно-реквизиционные отряды для снятия хлеба с полей бывших помещиков, с полей кулаков и богатеев, в прифронтовых местностях. За продбойцами сохранялись средний заработок и место работы, им выдавались суточные. Эти отряды подчинялись только наркомпроду. Монополия хлебной торговли налаживалась.

Наркомпроду приходилось решать и другие вопросы, также связанные с хлебом. Стремясь избавиться от нужды и голода, многие жители Москвы по личной инициативе ездили в деревни, закупали, об-

менивали вещи на хлеб. Когда же везли его домой, их встречали заградительные отряды, которыми ведал непреклонный член коллегии наркомпрода товарищ Рузер. Ленину пожаловались работники Моссовета:

— Везет человек пуд-два для своего семейства, и вдруг отбирают. Представляете? Надо бы пропускать рабочих с хлебом...

Совнарком временно разрешил рабочим Москвы льготный провоз хлеба, но не более полутора пудов одним человеком. Цюрупа категорически был против:

— Разве это выход? Это внесет дезорганизацию! — говорил он.

Его не послушали. И началась «полуторапудовая вакханалия». В «Известиях» писали о разгуле мешочнической удали, безотчетной, бессистемной, узаконенной спекуляции. Ленин вновь поставил вопрос в Совнаркоме о льготном провозе хлеба. 5 сентября было решено не чинить препятствий в подобном провозе лишь до 1 октября, после чего вновь стали действовать заградительные отряды. Это взволновало многих москвичей, правительство считало необходимым разъяснить трудящимся свою политику, призвать их к дисциплине и выдержке.

«...Товарищи рабочие, не поддавайтесь на провокацию темных сил, не играйте на руку буржуазии и контрреволюционерам, которые хотят вашими руками загрести себе жар и погубить все завоевания революции,—говорилось в правительственной телеграмме.—Своими необдуманными выступлениями и самостоятельным товарообменом не вносите дезорганизацию в тяжелую работу по добыванию хлеба. Совет Народных Комиссаров ведет теперь в огромных размерах обмен товаров на хлеб, приступил к

реквизиции вооруженными отрядами у деревенской буржуазии залежей хлеба. Если хотите помочь, оказать содействие своей рабоче-крестьянской власти, действуйте организовано: выделяйте из своей среды лучших знатоков продовольственного дела для работы в советских продовольственных органах, вербуйте боевые отряды честных, неподкупных, решительных революционеров, верных защитников интересов рабочих и крестьянства. Провокаторов и агентов контрреволюции немедленно задерживайте и направляйте в Москву. Помните твердо: или мы организовано, с честью, выйдем из всех обрушившихся на нашу голову неслыханных затруднений, или же все неминуемо обречено на полную гибель. Третьего не дано. Совет Народных Комиссаров в ожидании близких результатов этих мер просит у вас, товарищи рабочие, революционной выдержки и сознательности для спасения завоеваний революции и торжества пролетарской диктатуры.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар по продовольствию
А. Цюрупа».

Политическое положение Советской республики осенью восемнадцатого года оставалось чрезвычайно тяжелым. Деникин наступал на Москву. Вдоль Волги двигалась северо-кавказская армия генерала Врангеля, отрезая от Центральной России хлебные районы Заволжья и Сибирь. Корпус генерала Кутепова намеревался идти через Орел и Тулу к Москве. Генерал Юденич занял Псков, Лугу, был на подступах к Петрограду.

Начался массовый призыв коммунистов Питера, Москвы, Иванова, других северных городов в армию. В разгар острейшего голода, эпидемии сыпного ти-

фа, в условиях хозяйственной разрухи партия готовила могучее контрнаступление. Правительство призывало: «Все для немедленного ослабления голода трудящихся масс, ни пяди уступок врагам народа, беспощадное истребление предателей и изменников, стремящихся усилением голода помочь мировым грабителям... Кулаки и богатеи деревни... должны быть объявлены врагами народа, преданы суду Революционного трибунала... К лицам, оказывающим сопротивление с оружием в руках, должен применяться расстрел на месте».

Полуголодная, раздетая, разутая Красная Армия творила чудеса. В начале октября восемнадцатого года была взята Самара, и Волга стала свободной. До закрытия навигации оставались считанные дни, их надо было использовать для вывоза нефтяных, продовольственных грузов на верхние плесы.

Усилился подвоз хлеба к железнодорожным станциям, началось формирование новых эшелонов. Но большевиков подстерегали другие трудности: не было угля и дров, топить паровозы было нечем. Наблюдение за успешной заготовкой дров было возложено на местные революционные трибуналы...

Эшелоны с продовольствием по-прежнему шли крайне медленно, неделями, а то и месяцами.

Как единовременная мера было прекращено пассажирское движение на три недели для подвозки к центрам страны продовольствия и угля. Чтобы поощрить железнодорожников, им стали выдавать по 25 фунтов муки на месяц, а членам их семей — по 18 фунтов. По линии железных дорог республики было открыто около сотни питательных пунктов, а для отрядов, охранявших эшелоны, созданы неприкосновенные запасы продовольствия на тысячу человек.

Но хлеба все же не хватало. Однажды член кол-

легии Свидерский вынужден был доложить нар-
кому:

— Для голодающих губерний нужно около двад-
цати тысяч вагонов хлеба на месяц, а пока отпра-
вили одну тысячу. Это крохи в сравнении с потреб-
ностями.

«Да, крохи,— думал Цюрупа.— Но где взять хлеб?
Около половины плана его заготовок приходилось на
таврические поля, область войска Донского и Север-
ный Кавказ, а там война...»

В Москве стали по карточкам выдавать овес —
нужда заставила. И все же вера в победу над голо-
дом и разрухой не оставляла большевиков. Каждый
успех Красной Армии приближал эту победу.

Ходоки — земляки

Раздался телефонный звонок, Александр Дмитриевич поднял трубку и услышал голос Владимира Ильича:

— Тут у меня ходоки из вашей Уфимской губернии, рассказали много интересного, обязательно и обязательно поговорите с ними...

Ходоки! Это выразительное слово сразу напоминает нам первые годы Советской власти. За этим словом видится дальняя дорога, мужик в лаптях, с худой котомкой за плечами и суковатой палкой в руке, пожилой, раздумчивый человек, которого послал сход, общество в далекую Красную Москву, к товарищу Ленину.

Пробирались ходоки лесами и болотами, реками и пыльными шляхами, иной раз поездом, а больше пешком, с риском для жизни пересекали линии фронтов, шли за правдой, которую узнали из большевистских газет, слышали от приезжих комиссаров, за правдой, которую враги старались скрыть, за которую люди отдавали жизнь.

Ленин обстоятельно беседовал с ходоками, посылал их к наркомам, чтобы те тоже узнали об обетановке на местах из первых уст, лучше могли наметить конкретные меры помощи народу.

Приходившие к наркомпроду уфимские ходоки приносили привет от его старых знакомых, рассказывали, как те справляются с заготовками хлеба,

грузят эшелоны. Цюрупа много сил вложил в дела Уфимской губернии, считал ходоков оттуда как бы земляками, слушая их, думал о жене и детях.

Приходили крестьяне других губерний, рассказывали:

— Кулаки ждут Колчака, Деникина, а пока нападают на активистов, если поймают продкомиссара — предадут лютой смерти, вспарывают живот, засыпают зерном... Кулаки прячут хлеб, гноят в ямах или продают на сторону из-под полы по двести целковых за пуд. Меняют на разные товары. А нам, беднякам, говорят: «Ни зернышка вам не дадим, околевайте с голоду». Страшное бедствие обрушилось на нас. Дайте боевой отряд Красной Армии, мы поломаем буржуйские запоры, раскроем их амбары-закрома.

— А что же делают местные Советы? — спрашивал Цюрупа.

— Кулаки заставляют бедноту избирать Советы только из числа зажиточных, распускают провокационные слухи, будто бы Советская власть отбирает все продукты — хлеб, масло, крупу, яйца, ничего не оставляет крестьянину.

Цюрупа советовал:

— Организуйте комитеты бедноты, наводите порядок сами, призовите на помощь рабочих ближайших городов. Красная Армия одолеет врагов — подоспее на выручку. Но и сейчас мы свяжемся с нашими товарищами на местах, пошлем к вам лучших организаторов, поможем изменить положение.

— Нам бы ситчику хоть маленько, пообносились дальше некуда, — просили ходоки. — И еще спичек, соли, керосину... Большую нужду терпим.

— Знаю. Много пока не дадим, но кое-что будет. Только в обмен на хлеб.

— А если у бедняка нету хлебушка?

— Что ж, на нет и суда нет, на местах глядеть надо, беднейшему крестьянину по спискам Советов и комбедов дадим и хлеба, и промтоваров.

Беседы с ходоками заставляли Цюрупу о многом задуматься. Товарообмен! Вот что поможет в значительной мере двинуть вперед дело снабжения городского населения продовольствием. Совнарком ассигновал комиссариату продовольствия 1 миллиард 162 миллиона рублей для товарообмена с деревней. Правда, и тут Владимир Ильич, заботясь о государственной кассе, посоветовал без уменьшения операций постараться сократить эту сумму. Цюрупа обещал сделать, что возможно.

Совнарком указал, что для товарообмена следует использовать ткани, нитки, галантерею, кожу, шорные изделия, обувь, калоши, спички, мыло, свечи, керосин — все то, в чем так остро нуждалась деревня. Эти товары были переданы наркомпроду. Был издан специальный декрет о снабжении деревни сельскохозяйственными орудиями и металлами, причем указано, что распределение сельхозмашин и орудий, сельхозинвентаря, снопожательного шпата и металлов для нужд сельского хозяйства также осуществляется комиссариатом по продовольствию.

Однажды зашел к Цюрупе в наркомпрод его старый товарищ из Херсонской губернии, с которым были знакомы еще до революции. Александр Дмитриевич обрадовался, пригласил его домой.

Вспоминали многое. Тот порывался все спросить свое, затаенное.

Цюрупа почувствовал это, сказал:

— Что привело вас ко мне, кроме старой дружбы, выкладывайте.

— Да, да... Мечтали мы о лучшей жизни крестьянства. А что получилось, разрешите спросить?

— А что? — насторожился Цюрупа. — Сворачивается революция, вот что. Вы о продрозверстке?

— О ней самой. И хлебной монополии. Не то мы ждали, не то... Землю крестьянам дали, а рост производства их продукции пресекаете. Как прикажете понимать это?

— Вы же сознательный человек, должны разбираться. Идет гражданская война, страна голодает, кулаки вредят...

— А не раздуто ли все это насчет кулаков?

— Такое мы слышим от «левых коммунистов»... Нет, кулак страшен, его надо уничтожить. Изъятие излишков хлеба, и прежде всего у кулаков, запрещение частной торговли хлебом — вот что спасет рабочий класс. А если он выживет, сказал Ленин, мы все спасем и восстановим.

— Значит, за счет крестьянства...

— Почему? Мы даем товары, платим. Правда, пока маловато, так ведь война, Красную Армию нужно одеть и накормить в первую очередь. Кончится война...

— Разрешили бы часть хлеба продавать на рынках. Слишком уж суровые меры, надо бы помягче...

— Но без этого сейчас не обойтись. А знаете ли вы, что еще Временное правительство 25 марта 1917 года декретировало хлебную монополию и необходимость сдачи крестьянами излишков хлеба по твердым ценам.

— Впервые слышу.

— Временное правительство было бессильно осуществить монополию, декрет задевал интересы буржуазии.

— Но вы пошли на крайние меры. И берете не излишки, а столько, сколько вам нужно. Так?

— Совершенно верно, берем, сколько нужно государству. Знаете, как Ленин разъясняет нашу политику? Хлебная монополия с продразверсткой должны быть сохранены до тех пор, пока у государства недостает хлеба и других продуктов, пока не будет восстановлено крестьянское хозяйство. Это — ссуда крестьян рабочему классу, это — заем у крестьянства, который будет возвращен, как только будет восстановлена промышленность!

— А крестьяне пусть пока поголодают?

— Получив землю, крестьяне, несмотря на разверстку, живут лучше, чем за сотни лет в царской, капиталистической России. А кулаки... Они все же обходят нашу монополию, подторговывают... Я расскажу вам, что обнаружили недавно в одном кулацком хозяйстве. Денег кулаки не берут, они обесценены, им подавай мануфактуру, мебель, одежду... Произвели обыск и что же? Изба забита дорогой мебелью, швейными машинами, граммофонами, в амбаре сундуки с мануфактурой, лисьи, бараньи шубы, кружевное белье, костюмы, одеяла, и к тому же закрома полны мукой, рожью, овсом...

— Ну, это паук...

— Таких теперь, кто наживается на голоде, немало и на хуторах нашей Херсонской губернии. А между тем, я слышал, в Херсоне тоже неважно с продовольствием. Да что тут говорить! Крестьянин, имеющий сотни пудов хлеба, спекулирующий хлебом, есть представитель новой буржуазии, рожденной в муках народного голода, которые переживает вся промышленная Россия. Это не я, это Ленин сказал.

— Значит, дали землю, крестьянин снял урожай, а его секут под корень, так? — продолжал свое при-

ехавший.—Тогда какой же путь крестьянину вы предлагаете в будущем?

— Во-первых, если бы не продразверстка, не крайние меры, мы бы погибли. Погибла бы Советская власть. И многие бедняки, даже середняки это понимают. Во-вторых, путь известен, и мы уже начинаем его. Переход к общественной обработке земли — это единственное средство для крестьян выйти из темноты и забитости.

— Значит, всех в коммуны?

— Нет, говорит Ленин, задача это исключительно трудная, решать ее надо постепенно, воздействуя силой примера. Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства, тут командовать нельзя... Мы знаем, что нужно, Владимир Ильич сказал на VIII съезде партии: дать сто тысяч тракторов, снабдить их бензином и машинистами — средний крестьянин выскажется за коммунизм. К сожалению, пока это фантазия.

— Но будет? Вы верите в это?

— Будет! Конечно! За это мы и боремся! Сейчас делаем то, что в наших силах. Крохи, но все же даем народу. Вот постановление Совнаркома, я прочту вам: «Поручить наркомпроду для распределения среди населения, выполнившего разверстку, отправить сверх плана, вне всякой очереди, Северо-Двинскому губпродкому десять вагонов соли, четыре вагона сахару, головных уборов, посуду, гвозди и скобяные изделия...»

— И всем этим вы ведаете? — удивился гость.

— Да. ВЦИК постановил объединить в одном органе снабжение населения всеми предметами первой необходимости и продовольствия.

По всей обстановке, по тому, что подано было к

столу, никак нельзя было сказать, что они находились на квартире «хлебного диктатора» страны.

Долго еще сидели за почти пустым чаем два старых товарища, много пережившие вместе, мечтавшие о лучшей доле крестьянства. И ушел гость от Цюрупы в глубокой задумчивости.

Когда расставались, заметил у Александра Дмитриевича револьвер в кобуре.

— Вооружаетесь? — спросил он.

— Да знаете... Обязали...

Москва была на военном положении, Чрезвычайная комиссия раскрывала заговоры, в том числе попытки путем подрыва продовольственного дела и транспорта добиться падения Советской власти.

«Оружие Цюрупе необходимо,—подумал старый товарищ.— Враги отлично знают, кто в Совдепии занимается хлебом насущным...»

А Цюрупа помрачнел. Он вспомнил, что Уфа занята белыми, там жена и дети...

В тюрьме у белых

Когда Александр Дмитриевич уезжал в Москву, он считал, что будет лучше, если Маша с детьми останется на какое-то время в Уфе: слишком голодно было в Питере. А она про себя решила, что соберется вслед, явится неожиданно, а там уж как-нибудь устроятся, лишь бы вместе.

Пока Мария Петровна собиралась, произошли события, помешавшие ей выехать из Уфы. Путь к мужу был отрезан, город заняли колчаковцы. На руках Марии Петровны дети, оставалось ей одно: набраться терпения и ждать. Мария Петровна Цюрупа скрывалась с младшими детьми от колчаковских контрразведчиков у знакомых в деревне. Тут хорошо знали Александра Дмитриевича, уважали, слышали, что он занимает высокий пост в Москве, работает с Лениным. Решили, что лучше объявить ее родственницей, переехавшей из города ради детишек, спасаясь от нужды.

«Народ победит,— не переставала верить Мария Петровна,— иначе не может быть!» И действительно, движение Колчака по Сибири и Уралу приостановилось, и до Марии Петровны дошли слухи о неудачах белых на фронте. Где-то у реки Белой, недалеко от Уфы, успешно сражалась Красная Армия. Росла надежда на скорую встречу с мужем.

И вдруг несчастье. Заболел младший сын. Мария Петровна поехала в город посоветоваться со знакомым врачом, раздобыть лекарство. Но на улице ее

арестовали. И вот она перед старшим следователем капитаном контрразведки. Он был известен своей жестокостью, говорили, что применяет пытки. Но на этот раз старался быть вежливым. Где-то в Сарапуле в плену у красных находились высокие чины белой армии, и командование послало радиogramму, что расстреляет уфимских заложников, если большевики не пожалеют видных белогвардейцев в Сарапуле. Белые захватили семьи и других большевиков. А уж за жену наркома большевики могут предложить в обмен не менее генерала, а то и двух, думали колчаковцы.

Вот почему строго-настрого было приказано капитану не применять привычных для него мер к Марии Петровне, но всеми силами добиваться дискредитации ее мужа.

Мария Петровна стояла в коридоре лицом к стене, как ей было приказано, слышала доносившиеся до нее возбужденные голоса, стоны, проклятия и думала о детях: хоть бы не узнали, где они, хоть бы их не забрали, а она уж как-нибудь вынесет муки, примет смерть, если придется, как подобает большевичке, жене народного комиссара Советской России.

По приказанию капитана ефрейтор ввел ее в кабинет. Капитан одернул френч, на лице его засияла приветливая улыбка. Он пошел навстречу арестованной.

— Здравствуйте, уважаемая Мария Петровна! Как изволили почивать? Не обижают ли вас? Может, чего не хватает?

— Да, не хватает свободы,— сказала Мария Петровна.

— Вы уж нас извините, ваш арест — временная мера, я считаю, что вообще не надо было этого делать, просто следовало вызвать для разговора, я надеюсь,

мы с вами быстро договоримся, не так ли? Да вы садитесь!

— И для ареста, и для допросов нет у вас основания! — возразила Мария Петровна.

Капитан сделал гримасу.

— Не с этого надо начинать, уважаемая комиссарша. Садитесь, наконец, в ноги правды нет, — пододвинул он стул. — Что за народ пошел! Кого ни задержишь — все говорят, что нет основания. Никто ни в чем не виноват, одни святые живут в городе Уфе.

— Тогда скажите, в чем я провинилась. Тут произошла ошибка...

— Мадам, контрразведка не ошибается! И у вас есть вина!

— Какая же?

— Собственно, обвинения не так уж велики. Все зависит от вас. Прежде всего вы виноваты, что ваш муж — изменник родины, да еще какой изменник! Нарком продовольствия!

«Знают, все знают. Что-то будет? — подумала Мария Петровна. — Не этот ли следователь когда-то допрашивал Сашу?»

— Кому-то надо и продовольствием заниматься, — спокойно ответила она.

Капитан подумал: «Сейчас не так запоешь!»

— Мы ценим достойных противников, — сказал он. — А где сейчас ваши дети, как по-вашему?

Сердце Марии Петровны забилося сильнее. Но она все тем же спокойным голосом спросила:

— Зачем вы арестовали детей? Они-то, во всяком случае, ни в чем не виноваты.

— А чтобы вы были сговорчивей. Их жизнь и свобода зависят от вас! — ответил контрразведчик.

— Это бесчеловечно! — воскликнула Мария Петровна.

— Не спорю. Что поделаешь, война! Но мы люди гуманные, оставим им жизнь, если только...

— Что только?

— Пустяки. Напишите несколько слов муженьку.

— Мужу? Письмо? Как же вы его передадите?

— Уж найдем способ.

— А что ему писать? Что я и дети арестованы?

— Вот именно. И жизни ваши на волоске, если он не объявит во всеуслышание, что заблуждался, а теперь отказывается от коммунистической ереси и при-
мыкает к нам.

— Вы же знаете, что он никогда этого не напишет.

— Тогда вы и ваши дети погибнете. Черкните всего лишь несколько слов, что вам стоит? Вот на этом листике,— подал капитан блокнот.— А вдруг возьмет да и пожалеет свою семью. Не знаете, как писать? Я продиктую: дорогой и любимый муж мой, Александр Дмитриевич. Или просто Сашенька, как хотите.

«Все, все знает. Ну да, у них же бумаги царской охранки, а там доносы, докладные записки филеров... Там и про меня должно быть»,— думала Мария Петровна.

Сколько ни уговаривал ее капитан, видел в ее глазах непоколебимую решимость выстоять, не сдаваться. Он помнил указания начальника, запретившего пытки. Но не смог удержаться от того, чтобы нарисовать ей страшные картины их. Пусть она представит детей мертвыми и себя висящей на столбе с доской на груди, на которой люди прочтут: «Большевичка». Что, не нравится? А что, если вот этими плоскогубцами нанести ей кровавый маникюрчик? Ноготки — рраз! Хотя... Если изувечить эти пальчики, как она напишет мужу? Как она не понимает, что надо спасти Александра Дмитриевича от большевиков, ведь скоро им конец, и тогда вся семья погибнет

все равно. Три слова, всего три слова, потом тысячу раз скажет спасибо капитану.

Мария Петровна сидела перед следователем с каменным лицом. Словно в тумане издалека доносились до нее его слова:

— Послушайте, вы ведь образованная женщина, вы знаете, что еще никогда, ни одно восстание рабов не заканчивалось победой. Возьмите Спартака, Пугачева, Разина...

— У них не было Ленина,— вдруг сказала Мария Петровна.

Капитана передернуло. Уговорами он ничего не добьется, зачем ему запретили пытки?

— Да за такие слова, мадам, у нас расстреливают!

— Всех не расстреляете,— ответила она.

— Я устал с вами,— сказал капитан.— Ценю ваше мужество. Вас отвезут в тюрьму, там подумайте над моим предложением. Маленькое письмецо — и вы, и ваши дети на свободе!

В тюремной камере, куда втолкнули Марию Петровну, оказалось немало женщин. Это были тоже заложницы, в большинстве своем жены и матери большевиков, не успевшие по разным причинам выехать из Уфы.

— Страшно было на допросе? — подседа пожилая женщина.

— Как сказать... Почему-то не пытали...

— А если будут пытаться?

— Выдержу!

Долго не вызывали потом Марию Петровну к следователю. Она терзалась неведением. Проникали слухи о наступлении Красной Армии, по ночам доносилась отдаленная канонада...

Однажды дверь камеры приоткрылась, надзирательница бросила к ногам Марии Петровны узелок.

— Тебе передача, комиссарша. Я кой-чего отведала. Вкусно!

Мария Петровна узнала домашний платок, в котором было завязано съестное. Разволновалась, поплакала. Разломила булочку, а там записка, написанная мелким почерком на листке папиросной бумаги: «О вас хлопочут, мужайтесь. Приехал человек оттуда, какой-то князь Кугушев, по поручению самого Ленина. Предстоит обмен...»

Князь Кугушев! Боже! Муж Анны Дмитриевны, сестры Саши! Перешел линию фронта! Как решился? Как его не расстреляли?

Заботы Ильича

Александр Дмитриевич чувствовал себя неважно, выглядел плохо, часто болел, под глазами появились черные круги, нос заострился. И тут еще мрачные мысли о жене и детях. Он узнал, что их держат в колчаковской тюрьме в качестве заложников. Но Цюрупа знал, что он не имел права позволить себе расслабиться. Трудовой день наркома был полон множества неотложных дел. Он старался вникать во все лично.

...Пришли три телеграммы об отправке хлеба в столицу. Пошли наконец один за другим эшелоны жизни.

...Пришло сообщение, что бывший балтийский моряк, подпольщик, участник октябрьских боев, глава продовольственного отряда питерских рабочих В. Панюшкин выехал из Тулы в Москву.

Панюшкин докладывал Ильичу о своей поездке, когда Цюрупа вошел в кабинет Ленина. Панюшкин вспоминал об этом так:

«...Ильич поднялся, пошел к нему навстречу.

— А вы знаете, я начинаю сомневаться, Александр Дмитриевич, что вы говорите правду. Я не верю, что вы здоровы. Вид у вас очень плохой. Как, по-вашему, товарищ Панюшкин?

Действительно, Цюрупа выглядел очень плохо: бледное лицо, усталые глаза, вялая походка.

— А нет ли у вас температуры?

— Здоров я, Владимир Ильич...

Начали разбираться в продовольственных делах. Цифры Цюрупы и мои сходятся. Но Цюрупа недоумен: мало хлеба. Он волнуется — требует удвоить вывоз хлеба. Вдруг он резко побледнел. Лицо покрылось потом, пошатнулся. Я еле успел поддержать, до дивана почти донес.

— Недоедает нарком продовольствия... — попытался улыбнуться Цюрупа.

Владимир Ильич подал ему стакан воды, присел на край дивана, взял руку».

Врач констатировал голодный обморок.

— Дайте ему стакан крепкого чая, — посоветовал он.

Цюрупа попытался продолжить разговор. Ленин укоризненно покачал головой:

— Дорогой Александр Дмитриевич! Вы становитесь совершенно невыносимы в обращении со своим здоровьем.

Ленин написал ему записку, строго приказывая: «...три недели лечиться! И слушаться Лид[ию] Ал[ександровну], которая Вас направит в санаторий. Ей-ей, непростительно зря швыряться слабым здоровьем. Надо выправиться! Привет! Ваш Ленин». Подписал постановление Совнаркома: «Наркому тов. Цюрупе предписывается выехать для отдыха и лечения в Кунцево в санаторию. Предс. СНК В. Ульянов (Ленин)».

Трудно было Александру Дмитриевичу в санатории, он рвался на работу, в свой наркомат, звонил заместителям, членам коллегии. Врачи знали постановление Совнаркома. Но удержать в санатории больше не смогли. По настоянию Цюрупы его перевезли домой. Здесь с особенной тоской почувствовал он, как не хватает ему жены и детей.

Двери кремлевской квартиры Цюрупы были открыты для всех друзей. Уфимский большевик Тимофей Степанович Кривов зашел навестить больного. Они были знакомы, а особенно сдружились, когда ехали вместе из Уфы.

— Как здоровье, товарищ нарком? Надо бы поговорить...

— Одну минутку, дорогой, простите, пожалуйста, дайте отправить эшелон в Петроград,— отозвался Цюрупа.

— Какой эшелон? — удивился Кривов.

Александр Дмитриевич лежал на кровати с бледно-серым лицом, со всеми признаками нелегкого недуга. Он часто кашлял. На ночном столике рядом с лекарственными пузырьками стояли два телефонных аппарата — один для связи с членами правительства, другой междугородный, для связи с руководителями крупнейших центров страны.

Глухо зазвонил третий телефон — аппарат находился под подушкой. Приподняв ее, Цюрупа взял трубку:

— Алло, я слушаю. Кто говорит? Составитель? Докладывайте. Что? До сих пор не подали паровоз? Ну, знаете... Сейчас позвоню начальнику Северной железной дороги, видно, без моего вмешательства дело не обойдется!

— Вы что, из квартиры отправляете поезда? — спросил Кривов.

— Понимаете, поезд очень важный. Эшелон хлеба Петрограду. Представляете, как там ждут?! Я установил связь непосредственно с составителем поездов, он сейчас доложил, что эшелон готов к отправлению, нет паровоза... Алло! Алло! Дайте мне начальника Северной дороги! — снова забеспокоился Цюрупа.

— Разве ваше это дело,— пробурчал Кривов.

Цюрупа пропустил мимо ушей его слова. Он успокоился лишь тогда, когда составитель поездов лично подтвердил, что эшелон уже на главном пути и кондуктор дает сигнал к отправлению. Александр Дмитриевич откинулся на подушку, прикрыл рукой глаза.

— Ну, теперь давайте поговорим.

В дни болезни Цюрупы Ленин старался выкроить пять — десять минут, чтобы навестить Александра Дмитриевича, скрасить одиночество человека, привыкшего к постоянному движению и действию.

Однажды Ленин спросил Цюрупу:

— Ну, где же ваш князь? Удалось ли ему договориться с белыми по поводу обмена?

— Пока не имею сведений, Владимир Ильич. Белые свою радиограмму не повторяли, возможно, ведутся переговоры.

— Волнуетесь? Ничего, я думаю, что все будет хорошо. Интересный человек этот Кугушев. Он что, беспартийный?

— Да...

— Как же так: активный участник революционного движения, немалые деньги давал нам на партийные дела...

— Я говорил с ним об этом. Он объяснил: раньше не вступал в партию, потому что князь, мол, скажут, примазался, а теперь — потому что раньше не решился, скажут, где, мол, был... Владимир Ильич, я верю ему, ваш мандат он оправдает, если не убьют старые знакомые из уфимской охранки...

— Ну-ну, будем надеяться. Приедет семья — сразу поправится. Вам нужен домашний комиссар.

В квартире Цюрупы стоял рояль. Ленин любил музыку. Известный в то время пианист Г. И. Романовский был учеником Скрябина, а Лидия Александровна Фотиева — ученицей Романовского. Она играла Цюрупе, иногда приглашала к Александру Дмитриевичу и учителя.

Послушать хорошую музыку заходили Ленин, Луначарский, Красиков, Крыленко. В квартире Александра Дмитриевича всегда кто-нибудь был, он любил гостей, любил жизнь, хорошую шутку, умел смеяться от души...

Но чаще заходили к наркому по делу. Член коллегии Свицерский, придя к Цюрупе домой, стал рассказывать:

— Красная Армия заняла Самарскую и Уфимскую губернии, это дало несколько миллионов пудов хлеба из районов, на которые раньше не рассчитывали. Но Волго-Бугульминская железная дорога в отчаянном состоянии. Под Казанью, в Челнах, многие помещения забиты зерном, грозит самовозгорание. Стоят груженные продовольственные маршруты на станциях Умет, Кирсанов, Ряжск, Кочетовка. На участке Романовка-Мучная ждут отправления семьдесят пять тысяч пудов хлеба, миллион пудов овса. Еще много больных паровозов, вагонов, мало топлива, велики воинские перевозки...

В это время зашел Владимир Ильич.

— Опять вы здесь?! Не можете обходиться без Александра Дмитриевича? — накинулся он на Свицерского. — А ну-ка берите в руки бумагу, перо, пишите: «Здесь лежит больной Цюрупа. К нему нельзя ходить». Написали? Теперь будьте добры приколоть эту бумаженцию к входной двери.

Свицерский повиновался. Но предписание Ильича нарушил первым сам нарком. Он поднялся и пошел

к Ленину в Совнарком, хотя ему точно было известно положение дел и он мог информировать Владимира Ильича по телефону.

Однажды Ленин вызвал Фотиеву, сказал ей:

— Присмотритесь к товарищам, отберите для начала человек тридцать наиболее отощавших и организуйте столовую для сотрудников Совнаркома и наркомов. Цюрупа вам поможет.

Нуждавшихся в общественном питании оказалось значительно больше. Как раз в это время в Москву прибыли четыре вагона отличного вологодского масла! Это было по тем временам немалое богатство. Конечно, масло надо дать по разнарядке в детские учреждения и госпитали. Дети — будущее, а в госпиталях у бойцов раны медленно заживали из-за плохого питания. Цюрупа задумался. Надо бы пудов шесть отпустить кремлевской столовой, немного подкормить членов правительства, их семьи...

Хотел было написать такое распоряжение, но рука дрогнула. Цюрупа продолжал думать: нет, хватит нашей столовой трех пудов масла... А может быть, двух? Он поразмышлял еще немного и написал на документе: «Все четыре вагона масла до последней унции — детским приютам и госпиталям».

Ленин одобрил это распоряжение.

А в кремлевской столовой в то время на обед давали селедочный суп и кашу, о которой, как писала Драбкина в своей книге «Черные сухари», шел философский спор: как правильно назвать — каша без всего, каша без ничего или каша с ничем? При таком питании и сам нарком продовольствия вряд ли мог скоро поправиться.

Но вот пришла наконец к Александру Дмитриеву-

чу радость: Вячеслав Кугушев все же вырвал из лап контрразведчиков жен и детей уфимских большевиков. В Москву приехала Мария Петровна с детьми. Шумно и весело стало в квартире Цюрупы.

Зашел Ильич, поздоровался.

— Ну, Мария Петровна, теперь здоровье нашего «хлебного диктатора» в надежных руках. Лечите его и гоните прочь всех гостей из компрода.

Вождь революции, глава Советского государства заботился о людях, преданных великому пролетарскому делу. Он находил время, чтобы в нужный момент поддержать близкого по духу человека. Особенно ярко была выражена эта заботливость по отношению к Александру Дмитриевичу Цюрупе.

Понаблюдав, как живет его семья, 15 мая 1919 года Ленин послал в Президиум ВЦИК записку:

«Цюрупа получает 2000 руб., семья 7 человек, обеды по 12 руб. (и ужин), в день $84 \times 30 = 2520$ рублей.

Недоедают! Берут 4 обеда, этого мало. Дети — подростки, нужно больше, чем взрослому.

Прошу увеличить жалование ему до 4000 руб. и дать сверх того пособие 5000 руб. единовременно семье, приехавшей из Уфы без *платья...*»

А вот еще одна записка Ленина Цюрупе:

«...Я не смогу вернуться раньше трех, а может быть, четырех недель... Доктор разрешил Вам 8 часов работать. Я абсолютно настаиваю на том, чтобы Вы ограничились на ближайшие четыре недели 4 часами работы в день и, кроме того, полным отдыхом в субботу, воскресенье и понедельник. Все остальное время надо проводить при санаторном режиме, для чего Вам с Вашей женой я рассчитываю найти ком-

нату в Сокольниках с тем, чтобы при Вас была привычная сиделка, хороший стол и пр. Я совершенно уверен, что в противном случае Вы четырех недель работы не вынесете, а нам это по политическому положению необходимо до зарезу...

Если поставить дело таким образом, тогда наш аппарат нисколько не ослабеет за эти четыре недели... Еще раз прошу Вас принять этот план и провести его с пунктуальной строгостью, ибо защитить Вашу квартиру от наплыва друзей из Компрода и т. п. есть предприятие совершенно утопическое...»

Не выполнил Цюрупа этого плана и наполовину. Не жалел он своего здоровья, хотя был серьезно болен (у него была грудная жаба), работал, как и прежде, от зари до зари, а то и ночами...

Трудовые дни

Напряженной и разнообразной деятельностью были заняты сам нарком, члены коллегии Брюханов, Сви-дерский, Шмидт и другие. На комиссариат продовольствия Совнарком возложил заготовку всех продуктов для личного потребления и домашнего хозяйства населения. В стране появилось множество государственных и кооперативных оптовых складов и различных лавок, и при наркомпроде был создан Главпродукт, который руководил этой сетью. Цюрупа ежедневно выслушивал доклады работников Главпродукта.

Вот начался рабочий день наркома.

...Первыми пришли командиры. Наркомпроду было подчинено все снабжение Красной Армии продовольствием и предметами первой необходимости. Разговор шел о семьях красноармейцев, которым также полагался дополнительный паек — по четверти фунта хлеба в день, соль, сахару два раза в месяц по полфунта на человека.

Когда они ушли, Цюрупа сказал членам коллегии:

— Имейте в виду: и ремонтом казарм, лесозаготовками для военного ведомства, наконец, фуражом для всей кавалерии мы также занимаемся. В чем спасение страны? В быстрой организации могучей Красной Армии. Каждый солдат должен быть уверен, что перед ним только один враг — на фронте, что ему и его близким не придется бороться с другим врагом, не менее страшным, — с голодом.

...Прием у наркома продолжался. Делегаты Царицынского Совета просили: «Нам бы побольше карболовой кислоты, зеленого мыла, соды...»

Товарищи из Витебска: «Просим четыре тысячи пудов мыла для борьбы с надвигающимся тифом...»

Товарищи из Костромы: «Нам бы овса, ячменя, яровой пшеницы, ржи для посева, семена мы не удержали, поели».

...Пришли железнодорожники, они искали баббит, медь для ремонта больных паровозов, заодно просили продовольствие для работников мастерских.

Разные люди приходили в кабинет Цюрупы, докладывали, спорили, убеждали, грозили. Он внимательно всех выслушивал, сам делал записи в блокноте, связывался по телефону с разными организациями, звал членов коллегии, сотрудников аппарата, давал задания: срочно! Немедленно!

Позже, в 1929 году, в журнале «Красная новь» журналист Полянский писал:

«Что такое военный коммунизм? Разве мы в те годы не жили глубоким убеждением в неизбежности немедленного взрыва мировой пролетарской революции?.. Разве мы не уничтожали деньги? Разве мы не распускали налоговое управление? Разве мы не вводили бесплатность почтовых услуг? Все мы жили в обстановке революционной романтики, усталые, измученные, но радостные, праздничные, непричесанные, неумытые, нестриженные и небритые, но ясные и чистые мыслью и сердцем».

Все, сказанное Полянским, относится и к товарищу Цюрупе, и к работникам, окружавшим его, помогавшим ему в борьбе за хлеб.

Особое внимание молодое Советское правительство уделяло детям. 14 сентября 1918 года Цюрупа, нарком здравоохранения Семашко, управделами

Совнаркома Бонч-Бруевич и секретарь В. И. Ленина Фотиева подписали декрет об усилении детского питания. Было решено матерям, принадлежащим к трудовому населению и кормящим грудью детей, выдавать паек по первой категории. Были введены особые детские карточки. Детям до одного года выдавали бутылку молока в день, полфунта манной крупы в неделю, полфунта сахара в месяц, в возрасте от одного до пяти лет полагался дополнительный паек, в который входили манная крупа, сахар или мед, яйца, жиры. Государство обеспечивало продуктами школьные столовые и питательные пункты для детей от пяти до шестнадцати лет, не обучающихся в школах. Были взяты на учет запасы шоколада и какао, их распределяли между детьми и больными.

В середине мая 1919 года Совнарком принял еще одно постановление по этому важнейшему вопросу: указал, что все предметы питания детям до четырнадцати лет включительно должны выдаваться бесплатно, за счет государства. А еще через месяц было решено действие этого декрета распространить на всех детей, не достигших шестнадцатилетнего возраста.

В январе 1919 года был создан Совет защиты детей. Он заботился о пище, одежде, топливе, помещениях, медицинской помощи и эвакуации детей в хлебобродные губернии. В стране начиналась решительная борьба с беспризорностью.

7 декабря 1919 года Александр Дмитриевич с трибуны VII Всероссийского съезда Советов сделал доклад о положении в стране с продовольствием. В тот же день, вечером, делегаты серьезно обсудили его на секции. Да, все еще было тяжело, очень тяжело. Кулачество еще бешено сопротивлялось, кольцо белогвардейщины все еще охватывало республику,

продармейцы подвергались ежеминутной опасности, разные соглашатели и трусы тянули партию назад. Но было уже ясно: удалось спасти молодую Советскую республику. Хлеб пошел! Правда, чтобы накормить рабочий класс и армию, приходилось прибегать ко всяким ухищрениям: увеличивать замес отрубей, пускать в ход подсолнечный жмых, запрещать использование овса для фуражных целей. Но все больше людей понимало, что это временные меры, дела на хлебном фронте улучшились. В 1919 году было заготовлено зерна на 110 миллионов пудов больше, чем в 1918-м. Паек рабочих и красноармейцев увеличился.

Съезд Советов одобрил продовольственную политику рабоче-крестьянского правительства.

Постепенно налаживались дела и на транспорте. Эшелоны жизни продвигались значительно быстрее, чем раньше.

В апреле 1920 года прибыл в Москву эшелон в двадцать вагонов зерна — подарок от армий Туркестанского фронта и гражданских организаций города Самары товарищу Ленину в честь его юбилея — пятидесятилетия со дня рождения. Комиссаром от политуправления фронта был назначен коммунист-румын товарищ Дическу-Дик. Эшелон продвигался чрезвычайно быстро, почти за двое суток он прибыл в Москву.

В это время рабочие, добывающие торф для Москвы, очень нуждались в хлебе, и работники наркомпрода решили направить эшелон торфяникам. Дическу-Дик добился приема у товарища Ленина. Владимир Ильич сердечно поблагодарил бойцов фронта и трудящихся Самары за подарок и решил:

— Десять вагонов — торфяникам, десять вагонов — детям!

Заместитель Ленина

Как-то Ленин спросил Цюрупу:

— Вы заметили книжицу Александра Тодорского «Год — с винтовкой и плугом»?

— Как же, читал,— откликнулся Цюрупа.— Занимательная вещица...

— И очень полезная. На какие же мысли она вас наталкивает?

Цюрупа задумался.

Автор описывал строительство Советской власти в Весъегонском уезде. Большевики там оказались хозяйственные, сообразительные. Они не допустили разрушения помещичьих экономий, предприятий, наоборот, привлекли, правда вначале под угрозой лишения свободы и конфискации имущества, трех дельных молодых помещиков к созданию лесопильного и кожевенного заводов. Дело двинулось успешно, предприятия заняли людей, начали давать продукцию.

— А что? Выходит, полезно иногда привлекать буржуазных специалистов,— сказал Цюрупа.

— Не теряя социалистических позиций, развивая кооперацию, развертывая государственную торговлю,— ответил Владимир Ильич.— Пора, пора менять политику и на продовольственном фронте,— заключил он.

Об этом все больше говорил Ленин в последнее время. Непривычны были такие мысли «хлебному

диктатору», однако и он понимал, что надо перестраиваться.

Красная Армия стремительно освобождала от врагов губернию за губернией, гражданская война заканчивалась. Крестьяне возвращались к земле. Предстояло им пахать, сеять. Они объединялись в первичные общественные хозяйства, нужно было помочь срочно, немедленно! Силами наркомпрода восстановили четыреста заводов, пятнадцать тысяч мастерских, производивших машины и орудия сельского хозяйства. Страна справлялась с голодом, за 1920/21 год уже было заготовлено 367 миллионов пудов хлеба. Наркомпрод справился со своей задачей! Государство получило возможность перейти от продразверстки к продналогу, что давало огромный стимул крестьянству для развития сельского хозяйства.

В марте 1922 года был введен единый натуральный налог, исчислявшийся в пуде ржи или пшеницы, а с мая 1923 года начал действовать новый единый сельхозналог, частично взимавшийся деньгами.

Продналог давал государству 240 миллионов пудов зерна. Построенный на классовом принципе, он был прогрессивным. Чем беднее хозяйство, тем меньше оно отдавало в виде налога. Точная цифра налога, сообщаемая крестьянину еще до начала весеннего сева, позволяла ему заранее сориентироваться, сосчитать, сколько он должен будет сдать государству и сколько останется в его распоряжении. Предусматривались различные льготы тем, кто расширял посевы, внедрял технические культуры, повышал урожайность. Освобождались от налога свыше 30 процентов крестьянских дворов, а самых неимущих даже снабжали хлебом за счет государства.

С самого начала Александр Дмитриевич безоговорочно принял новую экономическую политику.

Цюрупа участвовал в подготовке проекта декрета о замене продразверстки продналогом, на X съезде партии сделал содоклад о натуральном налоге.

Итак, продовольственные маршруты, эшелоны жизни стали обычным явлением. Аппарат Народного комиссариата продовольствия стал крепким, полностью работоспособным. Продовольственное дело перестало занимать все время Цюрупы. Ленин все чаще заговаривал с ним о необходимости уделить максимум внимания строительству всего советского аппарата.

— Проверка исполнения, проверка того, что выходит на деле,— вот основная и главная наша задача. Изучать людей, искать умелых работников,— указывал Ильич.— Думаю, этим вы и займетесь, пора забирать вас из наркомпрода.

Политбюро ЦК РКП(б) заслушало сообщение Ленина о работе Цюрупы, постановило освободить его от должности наркомпрода, утвердить в должности второго заместителя председателя Совета Труда и Оборона. Было это 1 декабря 1921 года. А еще через пять дней Александра Дмитриевича назначили заместителем Председателя Совнаркома.

Огромная ответственность легла на плечи Цюрупы. У Ленина до тех пор не было заместителей по Совнаркому, он сам всегда вел заседания, активно участвуя в решении всех вопросов строительства Советского государства. Когда же состояние здоровья не позволило ему работать с таким напряжением, предложил сделать своим заместителем Цюрупу.

В отсутствие Ленина Цюрупа вел заседания Совнаркома. Ленин дорожил его мнением, нередко спра-

шивал совета. Прежде чем печатать декреты, Ленин показывал их Цюрупе. Когда Ленин болел, просил Цюрупу звонить каждый день, рассказывать о делах.

Сохранились сотни записок Ленина Цюрупе, многие из них — о путях перестройки работы Совнаркома, Совета Труда и Оборона. Если появлялось очень важное и неотложное дело, Ленин говорил:

— Поручим это Александру Дмитриевичу. Он сделает.

В одной записке Ленина сказано:

«Я знаю, что это *чрезвычайно* трудно. Но именно потому, что трудно, Вам надо *ц е л и к о м* отдать себя этому».

Ленин учил своего заместителя, как лучше расставлять кадры и руководить ими, рекомендовал Цюрупе ознакомиться с особенностями и работой всех экономических наркоматов и всех членов их коллегий, советовал изучить деловые качества крупных местных и областных работников.

Большие государственные задачи приходилось решать Александру Дмитриевичу. Когда появились другие заместители, Ленин так определил круг деятельности своего первого заместителя:

«...ведению т. Цюрупы подлежат:

НКЗем
НКПС
ВСНХ
НКПочтель
НКЮст
НКВД
НКНац
НКПрос».

Семь лет Цюрупа был заместителем Председателя Совнаркома, одновременно занимал другие важные посты. Росло и развивалось социалистическое

хозяйство страны, нужно было его планировать. Подбирая человека, способного взять это огромное дело в свои руки, Ленин так изложил свои соображения по этому поводу:

«Я думаю, что во главе Госплана должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно, по технической, либо агрономической линии, с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы в области либо техники, либо агрономии. Я думаю, что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей».

Ленин как бы нарисовал портрет своего первого заместителя и тут же рекомендовал его на пост председателя Госплана страны. Ленин поставил перед Цюрупой задачу «объединить на деле, подтянуть и улучшить экономич[ескую] работу в целом, особенно] в связи и через Госбанк (торговля) и Госплан».

Выросший в большого государственного деятеля, ставший с 1923 года членом Центрального Комитета партии, Александр Дмитриевич подходил к решению любого вопроса тщательно, кропотливо, вдумчиво, не оставляя без внимания никаких мелочей. Он был осторожен в выработке решений, тверд и смел в проведении их в жизнь. Ему довелось составлять топливные и продовольственные планы, решать проблемы Донецкого бассейна, планировать строительство транскавказских нефтепроводов, работу всей топливной и химической промышленности, строительство электростанций и Волго-Донского канала, Днепрогэса и металлургии Юга, Свирской электростанции и упорядочение Мариинской водной системы, заниматься вопросами всеобщего обучения... И на

все это у него находилось время. Он возглавил разработку Директив по первому пятилетнему плану развития народного хозяйства страны, принятых XV съездом партии в 1927 году.

Александр Дмитриевич также занимал посты наркома внешней и внутренней торговли, наркома Рабоче-крестьянской инспекции. И при всем том он оставался прежним, доступным каждому человеком, сердечным и добрым к друзьям, непреклонным в борьбе с врагами.

Более чем скромно одетый, с грубоватым голосом, но неизменно вежливый, умеющий слушать не перебивая, чрезвычайно трудолюбивый, несмотря на слабое здоровье,— таким запомнился современникам этот человек.

— Бывало, зайдешь к нему,— вспоминал бывший руководитель государственной хлебной инспекции Лев Николаевич Любарский,— он встанет навстречу, усадит в кресло, спросит: «Ну, что вас, братец, привело ко мне, рассказывайте». И внимательно выслушает, посоветует, примет меры.

Александр Дмитриевич учился у Ленина, как надо заботиться о преданных делу людях. Да и сам Цюрупа по натуре был сердечным, отзывчивым человеком. Он находил время, чтобы встретиться со старыми друзьями, узнавал об их судьбе, поддерживал в трудную минуту. Известен такой случай. Александр Дмитриевич узнал, что его товарищ по дореволюционной работе Игнатий Гудзь, находясь в командировке в Омске, серьезно заболел. Цюрупа немедленно посылает Дзержинскому, который в это время тоже был в Омске, телеграмму:

«Усердно прошу Вас, найдите старика, возьмите старика — моего старого друга под свое покровительство, уберегите его от заразы-несчастья, дайте ему

возможность целым и здоровым возвратиться домой. Если возможно, сделайте последнее сейчас. Если нельзя, прикомандируйте его к Вашему личному отряду. Умоляю Вас уважить мою просьбу и тем вернуть мне потерянное душевное равновесие. О моей просьбе товарищу ничего не говорите. *Цюрупа*».

Игнатий Гудзь стал впоследствии первым биографом А. Д. Цюрупы — ему было поручено подготовить текст биографии для словаря «Гранат». Зная об этом, Александр Дмитриевич пишет Гудзю: «Прошу обойтись без украшений и преувеличений и дать биографию покороче».

Скромность Цюрупы была безгранична. В его руках находилось все, сам лично он имел очень немного, лишь самое необходимое. Пригласили его участвовать в дипломатическом приеме в латвийском посольстве 18 ноября 1923 года. Он написал в ответ: «Ваше приглашение застало меня врасплох и повергло в уныние, я никак не могу быть у Вас, так как это письмо совершенно частное и личное, то я могу попросту и указать на причину — у меня нет ни костюма более или менее подходящего, ни воротничка, ни манжет...»

И это писал человек, которому раньше всех принесли в кабинет первые золотые червонцы. Перебирая их, он воскликнул с радостью: «Вот она, появилась, советская валюта!» Человек, который возглавил организацию внутреннего хлебооборота, вывоз хлеба за границу, торговлю с Германией, Англией, Скандинавскими и другими странами, развитие мукомольной промышленности, организацию первой сельхозвыставки... Появление после продолжительного перерыва русского хлеба на германском рынке явилось сенсацией мирового масштаба. Страна Советов, недавно пережившая страшный голод и разруху,

так быстро оправилась, поднялась и вот уже имеет излишки зерна для торговли!

Александр Дмитриевич всегда был собран, умел владеть собой, подавлять личные переживания. И тогда, когда жена и дети были в плену у колчаковцев, когда не было никаких вестей ни от них, ни от любимого старшего сына из армии... И тогда, когда узнал о тяжелом ранении самого дорогого человека, самого близкого друга и соратника — Владимира Ильича Ленина. Подавленные, хмурые сидели члены Совнаркома, пораженные этой вестью, и Цюрупа первый нашел в себе силы, поднял голову, сказал:

— Что ж, товарищи, у меня есть один очень важный, неотложный вопрос, связанный с хлебом...

И пошло очередное деловое заседание.

Лишь когда здоровье Александра Дмитриевича было окончательно подорвано, в 1928 году, его заставили покинуть столицу, уехать в Крым на лечение. К сожалению, болезнь была уже слишком запущена, он оттуда не вернулся...

В юности Цюрупа писал друзьям:

«Что ждет меня впереди? Тюрьма, каторга, преследование полиции. Но я сросся с этой стежкой, и нет мне другого пути, только борьба, борьба жестокая, беспощадная...»

Всю свою жизнь отдал Цюрупа борьбе за светлое будущее человечества...

Содержание

Пробуждение	7
Незабываемые встречи	25
Князь Кугушев	33
Председатель думы — большевик!	42
Народный комиссар	47
Битва за хлеб	58
Ходоки — земляки	79
В тюрьме у белых	86
Заботы Ильича	92
Трудовые дни	100
Заместитель Ленина	104

Арий Александрович Днепровский
ЭШЕЛОНЫ ЖИЗНИ

Редактор *Г. П. Шкаренкова*
Младшие редакторы *Г. А. Карликова, Н. И. Коршикова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 1228

Сдано в набор 27.02.81. Подписано в печать 21.05.81. А00087 Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Условн. печ. л. 5,08. Учетно-изд. л. 4,33. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 977. Цена 15 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 15.

**А. Д. Цюрупа. 1893 г.
Снимок сделан
в херсонской тюрьме**

**А. Д. Цюрупа в ссылке в Олонецкой губернии
(сидит первый справа)**

Выдача обедов детям.
1918 г.

Крестьяне привезли зерно на ссыпной пункт.
1918 г.

т. Цюрупна! Вид
Солоной. Не терять
времени на 2-х ме-
сечном отдыхе. Если
не обещаешьorgen,
оруду батобарот в фк
Лен

Записка В. И. Ленина
А. Д. Цюрупе

А. Д. Цюрупа.
1925 г.